Евгений Белохвостиков

ЦЕРКОВЬ БЕЗ КРЕСТОВ

Гонения на Православие в Лунинском районе

Пенза
2004

По благословению

Высокопреосвященнейшего Филарета,

архиепископа Пензенского и Кузнецкого

ББК 63.3 (2-4 Пен. – 5 Лун.) – 4
86.372 (2-4 Пен. – 5 Лун.)
Б 435

Белохвостиков Е.П. Церковь без крестов. Гонения на Православие в Лунинском районе. – Пенза, 2004.

В книге рассказывается о трагической для Церкви эпохе 20-30-х годов, когда более полусотни храмов в Лунинском районе были закрыты и уничтожены, и десятки монахов, священников и мирян претерпели гонения за веру Христову. Впервые публикуются документы той эпохи, биографии священнослужителей советского времени, материалы Архива УФСБ ПО, предоставленные Церковно-историческим комитетом Пензенской епархии. Кратко говорится и обо всей истории лунинских церквей в XX веке. Книга написана на основе документов областного и районного архивов, периодической печати, воспоминаний очевидцев.

© Белохвостиков Е.П., 2004

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.

Мф. 5,11

Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя.

Иер. 2,19

Предисловие. В чем смысл сего?

“История Русской Церкви в XX веке – это 70 лет бесправного положения, угнетения и уничтожения Церкви, это эпоха массовых жестоких репрессий, едва ли сравнимых по своим масштабам даже с гонениями в первые века христианства. Но прежде всего – это история того, как в условиях притеснений, преследований и открытых гонений многочисленные сонмы святителей, священников, монашествующих и простых русских людей явили высоту величия и благородства христианского духа и свидетельствовали свою верность Христу праведной мученической кровью. Их подвигами и заступничеством Божией Матери Господь сохранил Церковь Русскую”[1]. Так охарактеризовал прошедший период церковной истории Святейший Патриарх Алексий. Обратим внимание на слова Первосвятителя о *семидесяти годах* гонений, а отнюдь не об отдельных периодах в 20-х – 30-х и 50-х – 60-х гг.

Начиная это повествование, должен признать, что найти материалы по всей советской эпохе не удалось, основную массу составляют события 1918 – 1941 годов, да и сами ленинско-сталинские гонения были, несомненно, жестче последующих. По вопросу притеснения Церкви в Лунинском районе в процессе работы собрано было немало фактов вопиющих и ярко выражающих сущность советской власти; их, безусловно, необходимо предать огласке, дабы революционное поколение не идеализировало времена, к которым эти факты относятся, послевоенное – общество и устои, которые на этих событиях произросли, “дети бесцветных дней” лучше осознали бы смысл происходящих ныне событий, а грядущее поколение никогда не допустило повторения этого.

Повествование это дает лишь наиболее общее представление о минувшей эпохе. Чтобы более детально описать ее, нужно тщательнее изучить косвенные архивные документы, следственные дела, периодическую печать, опросить больше свидетелей той поры. Надеемся, когда-нибудь найдется тот, кто все это совершит.

Храмов на Лунинской земле было немало. К 1917 году насчитывалось 34 приходские церкви, 1 достроенная, но не освященная, 1 кладбищенская, 3 церкви-школы, порядка 4-х часовен, 5 усыпальниц для выноса умерших (на 1876 г.), в Большевьясском монастыре – 4 церкви, колокольня и часовня; еще одна церковь была построена в период 1919-1927 гг. (всего 53). Сейчас восстановлены 3 церкви, 1 восстанавливается, 1 церковь и 4 часовни построены заново, 1 здание переоборудовано под молитвенный дом, 1 церковь занята МТС, 10 или 11 – заброшены; восстановление их пока не предполагается (всего 20-21).[2]

“*За что изрек на нас Господь все это великое бедствие, и какая наша неправда, и какой наш грех, которым согрешили мы пред Господом Богом*

нашим?" (Иер. 16,10) – восклицал народ Израильский при Вавилонском нашествии. Такой же вопрос вставал и перед нами на протяжении всей работы. Желание лучше разобраться в истоках сего мракобесия и заставило нас привести ниже столь обширную картину гонений в предыдущие века. Но для понимания истинного смысла происходящего одних исторических фактов недостаточно. В основе событий лежит нечто более глобальное.

Исторический смысл событий XX века изъяснил русский философ кн. Е. Н. Трубецкой еще в 1918 году: "Всеобщая война, – вот тот самый сатанинский облик мировой жизни, который таился и раньше под покровом культуры и в действительности господствовал над нею, приспособлял ее к себе; теперь покрывало отброшено, сатана обнажился, и мир стал адом. Его сила познается в массовом озверении, в глумлении над человеком и над его святынями, в жестоких пытках побежденных, в насилиях над женщинами и невинными младенцами. Есть явления еще более характерные для этого общественного состояния, начало явного гонения против Церкви, избиения ее пастырей. Церковь стала средоточием разбушевавшейся в мире ненависти. Почему, отчего? Да потому, что всем своим существом она олицетворяет осуждение этого кровавого хаоса, – отрицание основного начала этой звериной жизни – *начала борьбы за существование*. Церковь ненавистна, потому что она возвещает закон иной жизни и воспрещает людям глотать живьем друг друга. И в этой ненависти – вся сущность ада, вся его необъятная темная бездна".[3]

Но памятуя слова Господни "созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют Ее" (Мф. 16, 18), нельзя согласиться, чтобы Он попустил силам зла попрать Церковь Русскую. Быть может, нельзя было по-другому обелить одежды ее, кроме как кровью (Откр. 7, 14)? Нельзя забывать, что после петровских реформ, синодального периода и обновленчества церковная организация была сильно замутнена и, возможно, нельзя было иначе вновь очистить ее. Тогда становятся понятными и обрушившиеся в 20–40-х годах глады, моры и убийства на весь народ, виновный в богоотступничестве.

Но как объяснить то, что пострадали лучшие представители и духовенства и простого народа? Здесь, во-первых, надо помнить, что вся Церковь есть единое Тело (Еф. 1, 23); грехи всего Тела взяли на себя достойнейшие и понесли наказание за них; во-вторых же, сам мученический венец уже есть награда Божия (1 Пет. 4, 15-16).

Таким образом, Советская власть – власть, безусловно, дьявольская – явилась орудием Божиим, т.е., в своем роде, действительно, властью от Бога (Рим. 13, 1). Поэтому непонятны становятся столь противоположное мнение – до семидесяти архиереев в 1928 году постановили: "Сергиевцам, со своим учителем Сергием Страгородским, учащим, что богохульная, безбожная и беззаконная "власть", есть власть от Бога данная, по слову Апостола, и этим нечестивым учением раздирающим тело Христово: Анафема"[4].

Так почему же появилась Советская власть, и чему служила? Как

объяснить, что столько людей поверили в ее постулаты? Этим вопросом задавались многие с первых же лет ее существования.

Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский, в январе 1918 года писал: “Я русский, люблю русский народ и желаю ему полного процветания, я хочу, чтобы он был сильный и богатый, и всегда помнил Небесного Подателя земного богатства и был ему благодарен.

В Совете рабочих и солдатских депутатов проповедуют равенство и любовь, и там же стоят 50 солдат со штыками наголо. Если уж проповедовать любовь и равенство, то уж с голыми руками, без штыков, по крайней мере, со Священным Писанием на устах. Со штыками руках и пустыми головами – вот каков русский социалист.

Но все-таки… они подвижники. Ведь они так свято верят в свои новые догматы о Царстве Небесном на земле, так верят, что они своими штыками устроят этот рай, что завтра могут сделаться мучениками своей идеи.

Они – святые люди! Это лишь дьявольское наваждение в том, что они в ослеплении губят и разоряют свою родину. Эти несчастные люди обмануты на каждом шагу, и Бог знает, кто в этом виноват, они или мы, оставившие их одних, без церковного попечения”[5].

То есть, в сущности, большевики по-своему хотели добра и были лишь обольщены сатаной в средствах его достижения. А Церковь в том, что не смогла их от этих соблазнов удержать, и была виновной. Те, за кого она была виновной, ее и наказали.

Священномученик Владимир, митрополит Киевский, в 1918 году перед смертью благословил своих убийц со словами: “Господь вас да простит”[6]. Воистину, *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас (Мф. 5, 44).* Как же мы можем хулить Советскую власть – как наказание Божие или как Врага? Очевидно, что это и с тем, и с другим не сообразно.

Какую же мысль мы должны уяснить из этого жестокого урока? Владыка Серафим говорил: “Страшные 20-30-е годы текущего столетия явили нам сонм новомучеников – сосланных, осужденных, убиенных, чей мученический венец верности и крепости в вере обязывает нас быть достойными их памяти”.[7] Но вот достойны ли мы? Достаточно ли от нынешней власти того, что она возвращает храмы Церкви и иногда даже помогает их восстанавливать, от купцов того, что они жертвуют на церковь средства, от школы того, что она открыто лишь не проклинает Имя Господне, от простых мирян того, что они пытаются вернуться к исконной вере своей? Когда совершится покаяние в России? Надеемся, что очерком этим хотя бы немного способствуем сему великому делу.

Часть I.
Гонения на Церковь Христову в предыдущие века.
Общий обзор Лунинского Православия в XX веке.

Гонения на Церковь начались с самого возникновения христианства. Пример мученичества явил Сам Спаситель, распятый на кресте за грехи мира. Предрекая будущее, Он говорил: “Будут вас предавать на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за Имя Мое. И тогда соблазняться многие; и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга. И многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и, по причине беззакония, во многих охладеет любовь. Претерпевший же до конца спасется” (Мф. 24, 9-13). В 40-х годах был побит камнями первомученик архидиакон Стефан, открыто указавший Синедриону, как часто израильский народ не принимал и гнал своих пророков (Деян. 6, 8-15; 7,1-60).

В 62 г. был сброшен с крыши Храма и убит апостол Иаков Праведный, брат Господень, первый епископ Иерусалима. В своем Соборном послании он писал: “Испытание вашей веры производит терпение, терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были во всей полноте без всякого недостатка” (Иак. 1, 3-4). В Деяниях святых апостолов также приводятся многочисленные случаи убийств, избиений и заточений учеников Христа (см. Деян. 4,3; 5,18-26; 5,40-41; 6,12; 7,57-60; 8,3; 12,1-11; 14,19; 16,17-39; 22,24-29).

Но самые жестокие преследования христиане терпели от Римской власти – при императоре Нероне в 60-х годах, менее жестокие в 90-х – 110-х при Домициане и Траяне. Во II веке наступило временное затишье, а в начале III века Диоклетианом мучения были возобновлены с новой силой. В первые три века явилось большинство почитаемых ныне христианских мучеников. И лишь император Константин Великий с приходом в 312 году к власти взял христианство под свое покровительство. После него пытался преследовать Церковь только Юлиан Отступник в 361-363 годах.[8]

Однако и последующие века постоянно возникали внутрицерковные распри и конфликты (иконоборчество – VIII век, отпадение Западной Церкви – XI век), причем страдала истинная Православная Церковь. Римские папы много раз в XII–XIII веках организовывали крестовые походы, направленные против Православия.

Печальные последствия имели реформы Патриарха Никона 1654 года и последовавшие гонения на старообрядчество.[9]

Именно в этот период и началась активная колонизация Пензенского края, крещение мордвы, постройка первых православных храмов (к 1672 году уже существовала церковь в Ломовке[10], к 1677 – Иванырсинский монастырь[11], к 1689 – храм в Трубетчине[12]). Видимо, одновременно пришли в Лунинский край и никониане, и раскольники, тем более что

заселялись эти места во многом ссыльными, чем-то не угодившими власти. Основными центрами старообрядчества стали Казачья Пелетьма (здесь была и единоверческая церковь[13]), Ломовка (где староверы есть и сейчас[14]), Посопная Пелетьма, Лесной и Напольный Вьясы. Были раскольники также в Белом Ключе, Симбухове, Иванырсе и в соседних к нынешнему району селах – Верхнем и Нижнем Шкафтах, Ильмине, Гремячевке, Аришке, Соколовке, Царевщине, Белогорке, Кологривовке.[15] Незначительное число их имелось и в Лунино.[16]

Знаменитый монах пензенского Иоанно-Предтеченского монастыря Варлаам (в миру Василий Саввич Левин; ок. 1680 – 1722), происходил из дворянского рода Левиных – основателей и владельцев ряда сел Лунинского района, выступавших также и храмоздателями (села Б. Левино, Юдино, Ст. Кутля[17]). Варлаам открыто объявил Петра I антихристом и был казнен.[18]

Действительно, деятельность Петра во многом носила характер, близкий к оскорблению и прямому гонению на Православие (напр., организация кощунственных “Всепьянейших соборов”, а затем Ассамблей, создание Синода, полностью подчиненного светской власти, запрещение на избрание Патриарха и обязательство священников разглашать тайну исповеди, если открывались дела государственной важности, запрещение постригать в монахи и т. д.).[19]

Гонений в таких масштабах приемники Петра предпринимать не осмеливались. При Елизавете Петровне положение немного улучшилось; в 1760 году она даже разрешила вновь пострижение.[20]

Сильный удар Православию нанесла Императрица Екатерина II. По ее манифесту 1764 года об экспроприации церковного имущества была закрыта большая часть монастырей. Так, из существовавших к тому времени по России менее 1000 монастырей было упразднено около пятисот[21], в том числе Богородице-Казанский женский в Ломовке и Владимиро-Богородицкий мужской во Вьясе.[22] Оставшиеся обители были лишены большей части своих владений. Надо заметить, что пойти на такую меру Екатерину скорее вынудил не интерес к религиозно-нравственному состоянию населения, а возможность обогащения казны.

Трудно не признать, что хуже становились не только правители и самая низшая часть общества, но и весь русский народ в целом. Уже в третьей четверти XIX века Н. А. Некрасов, который вряд ли стал бы показывать “народные массы” хуже, чем они были, в речи Попа к крестьянам писал:

“Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! Отвечать на спрос!

С кем встречи вы боитеся
Идя путем-дорогою?
Чур! Отвечать на спрос!”

Молчат!
“О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого –
Как чествуете вы?

Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..”

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит…

“Не сами, по родителям
Мы так-то…” – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
“Не сами, по родителям!”
А поп сказал: “Аминь!..”[23]

“Неужели Я не накажу за это? – говорит Господь, – и не отмстит душа Моя такому народу, как этот?” (Иер. 5,9).

Либеральные реформы Александра II принесли далеко не самые положительные результаты. Появились народники, которых Достоевский еще в 1872 году назвал “бесами”. Предпринятая Победоносцевым и Александром III попытка реставрации “Православия, самодержавия и народности” уже не могла остановить запущенный механизм.

С начала XX века начался подлинный разгул бесов – террористов, жертвой которого пали многие церковные деятели, например, ректор Пензенской духовной семинарии архим. Николай (Орлов) и др. И “1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада (а, следовательно, и Православия. – Авт.) получили еще один удар”.[24] Царская власть все более теряла свою силу, своим падением в 1917 году положив начало безумному кровавому хаосу и новым гонениям на Православную Церковь, самым

ужасным за всю историю России.

Семнадцатый год… Случайно ли произошла эта катастрофа, повлекшая за собой столько жертв и бедствий? Случайно ли безбожная власть просуществовала именно семь десятилетий? Ведь еще пророк Иеремия писал: *“Когда исполнится 70 лет, накажу царя Вавилонского и тот народ, – говорит Господь, – за их нечестие, и землю Халдейскую, и сделаю ее вечною пустынею… Когда исполнится вам в Вавилоне 70 лет, тогда Я посещу вас и исполню доброе слово мое о вас” (Иер. 25, 12; 29, 10).*

Притеснения и смуты в Церкви в 20-х – 30-х годах были производимы внешними силами (советская власть) и внутренними (обновленчество и другие расколы).

В Пензенской епархии вторая причина появилась даже раньше первой. Пензенский архиепископ Владимир (Путята), отстраненный в марте 1917 года от управления епархией, дабы не покидать епископского поста, организовал “Народную церковь”, ставшую в послереволюционной России первым обновленческим движением. Путята выдвинул тезисы, которые в измененном и переработанном виде приняли позже и обновленцы, но на практике отнюдь не собирался все их внедрять. Единственной подлинной целью “Народной церкви” было сохранение за Владимиром власти в епархии.[25]

Путята пытался всячески завоевать авторитет и доверие среди духовенства и мирян. Видимо, с этой целью он посещал многие церкви, в том числе и лунинские. В 1916-м он побывал в Сандерках и Казачьей Пелетьме, в 1917 – в Трубетчине, 29 июня 1917 – в Большом Левине. Уже после отстранения от управления епархией священник с. Юлово Мокшанского уезда Николай Васильевич Адоринский был “ко дню св. Пасхи 1917 г. Преосвященным архиепископом Владимиром награжден камилавкой”.[26]

В 1917 году краткое время Пензенской епархией управлял епископ Григорий (Соколов). Из его актов лунинских церквей коснулся лишь указ о командировании в Мерлинку священника Ф. А. Веселовского 23 апреля 1917-го.

В 1918 году законным предстоятелем Пензенской Церкви стал епископ Иоанн (Поммер). О его поездках по Лунинской земле сведений не сохранилось. Зато многочисленны упоминания о его награждениях духовенства: камилавки были удостоены священники Трубетчины В. А. Шеин и Иванырса М. П. Танитров, скуфьи – священник Липовки В. Ф. Софоклов, набедренника – священник Большого Левина В. А. Артоболевский.[27]

А путятинская “Народная церковь”, в особенности после отъезда из Пензы ее создателя в 1922 году, быстро разладилась и вскоре была вынуждена соединиться с общероссийской “Живой церковью”, которая была одним из самых крупных образований внутри обновленчества. Действовала

“Живая церковь” и в Мокшанском уезде. Весьма характерно приводимое ниже прошение в Мокшанский уисполком от 16 января 1923 года:

“Прошу гражданские власти г. Мокшана оказать содействие в регистрации и выдаче разрешения на функционирование Мокшанского уездного комитета группы “Живая церковь”, т. к. эта группа повсеместно ставит на ряду с обновленческими церковными задачами борьбу с тихоновщиной в лице забившейся в церкви политической контрреволюции. Член Всероссийского Церковного Комитета группы “Живая церковь”, уполномоченный ВЦУ Н. Соколов”.[28]

Добавим, что раскол в Церкви был на руку Советской власти. Разделение рядов противника для борьбы с ним – метод очень древний.

О том, что обновленческое Высшее Церковное Управление – ВЦУ действовало в тесной связи с властями, говорит хотя бы тот факт, что в анкете для духовенства 1923 года был внесен вопрос об отношении к ВЦУ (на что большинство отвечали, что ничего о нем не знают) и о необходимых в Церкви реформах. Чаще всего на это следовал аналогичный ответ, но некоторые священники пытались создать такие формулировки, чтобы, не предавая Православной Церкви, не прослыть и контрреволюционерами. Так, священник Мокшана Кузьма Васильевич Мичурин писал: “Реформы нужны, но не касаемо догматов веры”, священник с. Родников К. Л. Сокольский – “Созыв Поместного Собора с представлением Восточных церквей”, т.е. указал способ осуществления правомочной реформы.[29]

Правда, собственно Лунинский район обновленческий раскол практически не затронул. Только два прихода – в Липовке (1924) и Симбухово (1936) – были краткое время обновленческими, да и то из-за настоятелей-обновленцев – пензенских протоиереев Л. Н. Кульметева и А. В. Виноградского.

Гораздо больше бед и несчастий принесли не внутрицерковные распри (тем более, что большая часть из них к концу войны была изжита), а богоборческая власть (которая и просуществовала подольше).

Необходимо отметить, что территория нынешнего Лунинского района в 20-х – 30-х годах была разделена между Мокшанским (1917–1925), Саранским, Городищенским и Пензенским (1925–1928) уездами, а позднее между Лунинским, Большевьясским и Мокшанским районами. Каждый исполком, подчиняясь общим директивам, избирал свои методы работы с Церковью. Поэтому обобщать картину можно лишь условно, тем более что по Саранскому и Городищенскому уездам сведений вообще не имеется.[30]

С июля 1917 года все прихожане стали писаться в метрических книгах “гражданами” (вместо бывших крестьян, мещан, купцов). Вообще же за год резко увеличилось число незаконнорожденных детей (которые теперь писались “внебрачными”).[31]

“Отрицательное отношение к Церкви со стороны новой власти обнаружилось тотчас после Октября. Уже в декабре месяце появились первые декреты, ограничивающие свободу и имущественные права Церкви. 4/XII-17 г. все сельхозугодия, включая и церковные, перешли в руки государства. 11/XII-17 г. все духовные школы, начальные, средние и высшие, были национализированы и, следовательно, закрыты. Вскоре был опубликован проект декрета об отделении Церкви от государства, по которому всё движимое и недвижимое имущество Церкви становилось собственностью государства” (М. А. Лебедев).[32]

Но акты Москвы доходили до провинции не сразу. Поэтому и земля была отобрана, и школы закрыты или “перепрофилированы” в большинстве своем в 1918-м, причем иногда приговоры сельских сходов корректировали декреты.

Так, в Чирково 33 десятины церковной земли были “отобраны прихожанами” еще в 1917 году, но 4 десятины были оставлены священнику, а одна – диакону и псаломщику. В Большом Левино земля не была еще отобрана к началу 1919-го.

В 1918 же году была отобрана большая часть метрических книг. Происходило это, вероятно, ближе к концу года; так, соответствующее предписание Степановского Волостного совета крестьянских депутатов Юдинской церкви вышло 30 ноября, а сданы были книги в Юдинский сельсовет 7 декабря 1918 года. В Большом Левине этот акт был произведен 6 октября. Различны были и объемы изъятия – в Шукше “Советские власти” забрали метрические книги и исповедные росписи с 1824 года, в Б. Левино – только метрики за 1915–1916-й. Вообще же принятие церковного имущества затянулось до 18 января 1919 г. (Мерлинский волостной Совдеп).[33]

Тогда же, в 1918-м, впервые в нескольких церквях (Болотниково, Юдино) было описано церковное имущество.[34]

Следующим шагом властей стало его изъятие. Формальным поводом к этому послужил голод в Поволжье. 30 марта 1922 года был изъят оклад Евангелия в Старой Степановке, в том же году – серебряный подсвечник, ковчег и наперсный крест в Юдино, серебряная риза весом 28.8 кг в Трубетчине. Здесь же, в Трубетчине, произошел уникальный случай – “вещи, которые подлежали изъятию в пользу голодающих Поволжья заменены деньгами”, собранными верующими. Тогда еще власть шла на компромисс. Впрочем, спустя 10 лет эти вещи были, естественно, изъяты. Во Вьясской пустыни настоятелю, архимандриту Геронтию, тоже удалось договориться с властью: из числа изъятых 4 апреля предметов два серебряных потира, дискос со звездицей, ковшик, крест, ковчег, кадило и три ризы были возвращены.[35]

Тогда же, в 1922-м, между уисполкомом и приходами составлялись “Соглашения”. В них приводился длинный перечень обязательств, которые

должны быть выполнены верующими. Они были обязаны обновлять и ремонтировать храмы и утварь на свои средства, но в то же время здания могли в любой момент отобрать. Власти имели право в любое время проникать в церковь и, соответственно, изымать любые предметы, а прихожане за утрату церковных ценностей подвергались "уголовной ответственности по всей строгости революционных законов".[36]

В 1924 году в Лунинской и Ломовской волостях церковные ценности снова были переписаны, только на этот раз перепись коснулась всех или почти всех сел. Также были составлены списки "служителей культа".[37]

С 1929-го начались аресты. С этого времени было арестовано около пятидесяти человек. По началу сроки давали небольшие (3-5 лет), лишь один гольцовский священник Н. А. Тассов был приговорен к расстрелу. Позднее все 30-е годы (за исключением 1935-36) аресты не прекращались, а мера наказания постепенно увеличивалась.[38]

В 1925 году разогнали монахов Вьясского монастыря. Храмы в 20-х годах еще не закрывали, но к 1930-му многие из них уже бездействовали из-за отсутствия священников.

По мнению прот. М. А. Лебедева, эпохой террора по отношению к Церкви следует считать 1931 – 1943 годы. Впрочем, это не означает, что до 1931 и после 1943-го гонений не было. Об этом свидетельствуют изложенные здесь факты, да и сам Лебедев приводит в описании 20-х годов такой случай: "Знакомая учительница в Бессоновской школе (т.е. в 14 км от нынешнего Лунинского района. – Авт.) с большим удовольствием рассказывала мне о том, что как будучи школьницей-пионеркой, вместе с подругами развлекались тем, что следили, когда темным вечером или ночью в такие дни (в Великий Четверг. – Авт.) старушки выходили из храма с зажженными свечами. Они нападали на старушек, выхватывали у них из рук зажженные свечи с фонариками. Пионеры считали себя героями, ведь они боролись с религией".[39]

Основная масса храмов была закрыта в 1932 – 1934 годах. Все они (кроме церкви Родников) были закрыты неофициально, по инициативе местных властей, и заняты зерном. Представляется вероятным, что это было связано с учреждением колхозов, которым некуда было ссыпать хлеб.[40]

Иногда верующие даже сами временно отдавали храмы, но возвращать их, разумеется, уже никто не собирался. Даже край- и облисполком вынужден был признавать незаконность таких действий и советовал местным властям действовать ближе к закону.

На 7 февраля 1937 года в Большевьясском районе официально закрытых церквей не было, бездействовали же 13. В Лунинском закрытие трех храмов уже оформили, а 23 – еще нет. Реально же в 1936 году служба проводилась только в Иванырсе, Назарьевке, Посопной Пелетьме и Симбухово.[41]

Апогеем гонений стал, конечно же, 1937 год. 21 мая 1937-го в Лунино

состоялось заседание председателей сельсоветов и парторгов района. На нем некто Тихонова (из Шукшинского сельсовета) говорила: “Церковники нашего района оживились (Шукша, Иванырс, Гольцовка), используют всех отставших людей, в том числе и дефективных. Отсталым участником [антирелигиозной кампании]… является не только Шукша, а и другие прилегающие сельсоветы (Лунино, Екатериновка, Трубетчина), которые усложняют работу по Шукшинскому сельсовету”. Большев (из Союза воинствующих безбожников) признавал: “Мы закрыли административно церкви, но идейно разоружить не сумели. Я считаю мы должны вести агитационную работу, как групповую, так и в одиночку, а не отвергать эту работу”. Председатель Лунинского сельсовета Грачев констатировал: “Ходют и ездиют церковники в Лунино. Это тревожно, но запретить мы не имеем права. Застой строительства и переоборудования Трубетчинской церкви явился вследствие отсутствия средств”.[42]

Некоторые сельсоветы райисполком прямо обязал закрыть церкви к Первомаю. Хотя речь шла уже об официальном оформлении закрытия, местные активисты взялись за дело весьма рьяно, не гнушаясь подделывать подписи безбожников, сметы о выделении колхозных средств на перестройку, планы будущих клубов (теперь в качестве предлога для закрытия выдвигалась необходимость в культурно-просветительских учреждениях). Но и сопротивления населения, кроме, пожалуй, Иванырса, Трубетчины, Гольцовки и нескольких других сел, уже почти нигде не было.

В 1937 году и арестовано было больше всего – около 20 человек, из которых 9 расстреляны.[43]

12 октября 1938 года, когда все церкви были уже закрыты, а активные верующие устранены, райисполком постановил перейти к более мирной деятельности – “усилить работу по антирелигиозной пропаганде путем постановки докладов в клубах, избах-читальнях, красных уголках”.[44]

Завершен же процесс оформления документации на закрытие был 17 июля 1941 года на Лесновьясском храме, который пострадал от богоборческой власти уже последним в области.[45]

В страшные годы гонений поддержкой многих православных был старец Иоанн Оленевский. За советом и добрым словом шли к нему люди со всей области. Были среди них, несомненно, и лунинцы. В одной из своих притч старец упоминал Вьясскую пустынь: “Встречаются два мужика на дороге: “Куда идешь?” – “На Вьяс иду – Богу молиться!” а до Вьяса-то и не дошел – ноги отнялись. А надо тайно было – пошел на Вьяс и пошел, а зачем пошел – не сказывай, коли молиться идешь”.[46]

С 1943 года отношения власти к Церкви внезапно изменилось. Появилась робкая надежда на возрождение хотя бы части храмов. Кто-то в это действительно поверил. Жительница Лунина Вера Петровна Назарова попыталась организовать в поселке группу верующих. Но уже в октябре 1944

года ее арестовали и осудили на 5 лет.[47] В других селах тоже пытались наладить службы – в Большом Вьясе, а так же в расположенных ныне близ Лунинского района Аришке и Вазерках.[48] В двух последних селениях в 1946-м удалось даже открыть храмы[49], но просуществовали они не долго – Вазерский сгорел в 1959-м[50], а Аришкинский был закрыт в 1961-м.[51]

Гонения 50-х – 60-х годов, известные как хрущевские, не были столь открытыми и резкими. Характерной чертой их было, к примеру, разрушение сохранившихся еще храмов, являвших собой образцы высокой культуры (сопоставлять которую с советской было отнюдь ни к чему) и одновременно обращавших немой укор к своим разрушителям и их потомкам. Церкви неизбежно должны были быть уничтожены.

Но первенствующая роль в хрущевских гонениях отводилась навязчивейшей антирелигиозной пропаганде. Появилось огромное количество брошюр, книг, кинофильмов, телепередач соответствующего характера. Газеты и журналы пестрели карикатурами и статьями, высмеивающими священнослужителей и Церковь (правда, в районной "Лунинской коммуне" за 1950-е гг. была опубликована лишь одна заметка о вреде поста, да и то почему-то мусульманского, хотя в районе только одно татарское село[52]).

Антирелигиозные вечера и спектакли проводились в школах, клубах, домах культуры. Особое внимание уделялось соответствующему воспитанию молодежи. Значительная роль в этом отводилась пионерии и комсомолу, через которых прививалась новая социалистическая идеология. Тщательно проверялось, не посещает ли школьник церковь и даже не носит ли на шее крестик.[53] Постепенно все это привело к тому, что необходимость в контроле со стороны государства стала отпадать: народ стал следить сам за собой.

В 1968 году было проведено социологическое исследование, которое показало, что к верующим себя относят 28,4% взрослого населения области. По этому поводу в нескольких районах, в том числе и в Лунинском, прошли в мае 1969-го научно-практические конференции.[54]

В 70-х годах появилось новое веяние: увлечение древнерусской культурой, иконописью, храмами. Ярким представителем сего явился В. А. Солоухин.[55] Для этого направления было характерно восприятие исключительно внешней красоты этого искусства, и, в общем-то, отсутствие интереса к его духовному значению. Впрочем, все это имело и положительные стороны: были спасены от разрушения и гибели или хотя бы запечатлены для потомков многие памятники русской культуры.[56]

С конца 80-х годов начались новые открытия лунинских церквей, которые продолжаются и поныне. Судить же о сегодняшнем духовно-нравственном состоянии народа очень сложно. Приведу лишь слова прп. старца Серафима Вырицкого (†1949): "Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести

мира сего отвратят людей от Бога, и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой – настанет царство лжи и зла. Страшно будет дожить до этих времен”.[57]

Часть II.
Церкви без крестов. Гонения в селах

Александрия

Александрийская **церковь-школа** была построена стараниями напольновьясского священника А.В. Благовещенского в 1896 году. Престол ее был освящен 10 февраля 1907 года в честь **святителя Николая Чудотворца**.[58] В 1927 года она действовала[59], а закрыта была в 1933 году, к 1936-му здание использовалось под школу и жилье учителей.[60] Впрочем, с течением лет и сама школа перестала существовать.

Анучино

В селе Анучино (Онучино) закрытие церкви прошло спокойно. Деревянный **Казанский храм**, построенный в 1860 году[61], в середине 1920-х еще действовал. В 1930-м через окрисполком проходило дело о его закрытии[62], фактически же храм был закрыт под клуб к 1936 году[63], а через несколько десятилетий сломан.

Последним анучинским священником был Алексей Андреевич Златогородский. Он родился в 1875 году в семье священника или диакона, в 1905-м закончил Пензенскую духовную семинарию и был направлен псаломщиком в Михайловку Чембарского уезда. В 1907-м Златогородский стал учителем в Мокшанском с. Сумароково, а на следующий год – псаломщиком Покровской церкви Пензы. В 1909 г. Алексей Андреевич был рукоположен во священники в Анучино. За свое служение здесь он был удостоен архипастырского благословения (1910) и набедренника (1913). В 1918-1924 годах Златогородский еще служил в Анучино[64], позднее он не упоминается.

Белый Ключ

Церковь Рождества Христова в Белом Ключе была построена в 1876 году деревянной. В 1920 году она сгорела (даже от ограды сохранилось лишь 15%), и вместо нее на старом каменном фундаменте из смешанного леса был построен новый храм. Он был крыт железом, и наполовину обшит тесом (к 1927). В 1924 году была построена новая, крытая соломой, сосновая сторожка.[65]

С 1887, и, по крайней мере, до 1913 года священником здесь был Феодосий Патрикеевич Лавров.[66] В 1917 г. ему было бы уже 78 лет, поэтому в советские годы он, вероятно, долго не служил. Кто был его приемником, неизвестно; в 1930-1932 годах в Белом Ключе служил схиархимандрит

Викентий (Титов).[67] После его ареста в 1932 году священника в Белом Ключе, вероятно, уже не было, а последним известным священнослужителем был диакон Иван Трофимович Червяков. Он родился в 1895 году в Белом Ключе; в 1932 – уже арестовывался, отсидел три года и, вернувшись, снова служил в родном селе. В октябре 1937 года Ивана Трофимовича снова посадили, уже на 10 лет. Удалось ли ему выжить на этот раз – неизвестно.[68]

Церковь в Белом Ключе была закрыта в 1932 – 1935 годах. В апреле 1936 года писалось, что она "не закрыта, но не функционирует по причине ея непригодности, имеется акт техника о ея ветхости"[69]; непонятно, имела ли здесь место фальсификация, или за два года бездействия здание действительно развалилось.

В том же 1936 году белоключевцы ходатайствовали об открытии церкви: "Мы, нижеуказанные граждане Б. Ключа Софийского с/с Больше-Вьясского района

Мы чувствуем нам Великой Сталинской Конституцией дано право /ст. 124/: свобода совести. И мы убежденные в религии которые убеждения мы не можем сломать в своих душах. Мы не требуем от нашего советского правительства и партии, мы только просим покончить нашу стариковскую жизнь. Дать нам дожить в привитых нам религиозных убеждениях – открыть нам нашу церковь.

Ваш ответ со всякими распоряжениями дойдет старику 70 лет по Куйбышевскому краю Б. Вьясского района, Софийский приход с. Белый Ключ Илье Михайловичу Ковалеву.

Мы все изложенное подтверждаем всеми своими подписями. (Далее следует 175 подписей. – Авт.)".

Бумаги долго ходили по исполкомам, белоключевцы (члены церковного совета И. С. Мотавкин, М. С. Засыпкин, Н. Н. Косянков) еще раз просили разрешить службу, но церковь, разумеется, так и не открыли.[70] В ней было зернохранилище[71]; в 50-х годах церковь еще стояла[72], а снесли здание, видимо, в 60-х.

Известны две современные фотографии некоторой каменной полуразрушенной церкви, относимые к Белому Ключу.[73] Какой именно храм запечатлен на них, – неизвестно.

Село Белый Ключ название свое получило по одноименному ручью, известному по крайней мере с 1673 года[74], а он был так назван по "белой" меловой почве дна.[75] **Источник**, с которого ручей начинается, находится в лесу к востоку от села, и издавна почитается святым. Когда-то в его воде один крестьянин увидел св. лик, и с тех пор источник почитался местными жителями. Икона, отражение которой мужик и увидел в роднике, висела над ним на дереве. Этот факт, свидетельствующий, якобы, о фальсификации

легенд о святости ключа, широко использовался атеистической пропагандой по округе.[76] Ныне этот источник особо почитается жителями Мордовии, откуда к нему (в отличии от Пензенской области) ведет хорошая дорога. Над источником построена часовня.

Болотниково

Покровская церковь села Болотниково с приделами Николая Чудотворца и мц. царицы Александры в свое время по праву считалась одной из самых благолепных в нынешнем районе. Строилась она с 1866 по 1900 гг.[77] На колокольне было пять медных колоколов общим весом 2361 кг. В церковной библиотеке насчитывалось 6 книг Священного Писания, 36 богословских, 50 номеров "Церковного вестника".[78] Внутри храм был украшен росписями в академическом стиле и алебастровой лепниной.

Поэтому с первого же года своего существования новая власть начала планомерно готовить закрытие церкви. В 1918 и в 1924 годах имущество описывалось.[79] С 1929 года Покровская церковь бездействовала[80], а в 1932-м была закрыта и передана под колхозное зернохранилище.[81]

В апреле 1935 года в деревне Алексеевке, входившей в приход Болотникова, был арестован псаломщик Степан Ивлиевич Долганов (1885 – ?). До революции он четыре года был послушником Саровского монастыря, затем полтора десятилетия псаломщиком в с. Толба Сергачского района Нижегородской области. В 30-х он вернулся в родную деревню. 3 августа 1935 г. он был осужден на пять лет лагерей.

31 июля 1937 года на общем собрании колхозников был поставлен вопрос об официальном закрытии церкви под предлогом устройства в ней клуба соцкультуры им. 20-летия Октября. Из присутствовавших 618 человек 352 выступили за клуб. Местные активисты провели сбор подписей; в список было внесено 577 человек, а в нем, конечно же, часть не расписавшихся, часть записана дважды, множество подписано одной рукой.

Впрочем, облисполком, утверждавший закрытие, это мало волновало. По составленному плану переоборудования предполагалось "разобрать колокольню, разобрать купол, внутренние колонны, потолочные своды… В задней части здания вместо бывшего алтаря можно сделать гримерную".[82] Но с клубом сельсовет почему-то не очень торопился, и в церкви так и остался склад. Позднее для него было построено новое здание, а Покровская церковь так и осталась стоять пустой, с зелеными кустиками на крыше и голубиным пометом под куполом.

Большое Левино

Архангельский храм в селе Большое Левино был построен каменным в

1897 году.[83] В 1915-м его настоятелем стал Владимир Алексеевич Артоболевский. Родился он 8 июля 1873 года в семье благочинного протоиерея Проказны, в 1890-м был уволен из первого класса семинарии, затем был псаломщиком Симбухово и Тоузаково Пензенского уезда, в 1901 году стал диаконом Введенской церкви Пензы, в 1915 – священником. В 1913-м он получил знак в память 300-летия Дома Романовых, в 1916 – благословение за труды по благоустройству и благолепию приходского храма, в 1918 – набедренник.

И в Большом Левине притеснения начались с 1918 года. 6 октября были отобраны метрические книги за 1915 и 1916 годы. Церковно-приходская школа была переименована в земскую, но земли при церкви оставлены священнослужителям.[84] В 1924 году, когда Артоболевскому сослужил псаломщик Николай Иванович Ничипоров[85], а по описи имущества насчитывалось 5 медных колоколов, весом от 8.8 кг до 845 кг.[86]

Артоболевский около 1930 года уехал в Пензу, бросив приход[87], а затем в Москву, получил сан протоиерея, а в январе 1938-го вновь приехал в Пензу, чтобы управлять епархией без архиерейского участия. В октябре 1939 года его вместе со священниками А.Н. Рожковым и А. П. Кипарисовым арестовали. Артоболевскому дали семь лет. К тому времени Владимиру Алексеевичу было уже 66 лет.[88] Вскоре он был расстрелян, кажется, где-то под Екатеринбургом.

После отъезда священника из села, начали разрушать церковь. Иконы сжигали и свозили на свинарник. Комсомолец, руководивший всем этим, ушел на войну, был ранен в голову и вскоре умер. В самой церкви в 1932 году[89] устроили склад, просуществовавший года примерно до1985-го.[90]

Е. Ф. Шкуров вспоминал: “Через год после снятия колоколов с церкви и ее закрытия комсомольская ячейка села стала инициатором вскрытия родового склепа Левиных, расположенного в церковной ограде. Поводом послужило поверье, что господ хоронили с золотыми украшениями и другими ценностями.

Вход в склеп был закрыт мемориальной плитой черного цвета с надписью (помню лишь “Генерал-майора…”), под этой плитой была еще одна – из серого гранита.

Большинство жителей на это вскрытие не пошло, верующие считали богохульством, основная часть мужского населения считала такое действие кощунством. Комсомольцев собралось человек 10 (только ребята), руководил взломом Никита Поляев (прозвище Саратов). С помощью лошади в постромках ломами стащили верхнюю плиту, затем немного сдвинули гранитную, и Владимир Жирков полез в склеп, но быстро оттуда с испугом выскочил, уверяя, что там кто-то стоит. После увеличения отверстия входа туда с фонарем спустились двое и вытащили из склепа стеклянную банку величиной с цилиндрическое ведро, сверху закрытую темной крышкой.

Внутри банки в желтоватой жидкости находилась посиневшая мужская голова. В памяти остались усы и нос с горбинкой. Как потом выяснилось, в склепе ничего ценного не обнаружили…”.

Старики рассказывали, что это была голова то самого Варлаама (Левина), который объявил Петра I антихристом. Петр повелел поставить голову в родовом склепе Левиных, чтобы все наследники видели, чем кончается бунт против царя.[91]

А над церковью за годы Советской власти была сооружена обычная двухскатная крыша, а недавно сломаны ворота. Но и сейчас, когда несут покойников, останавливаются около церкви.[92]

Большой Вьяс

В Большом Вьясе **церковь святых бессребреников Космы и Дамиана** была построена еще в 1827-1830 гг.[93]

В 20-х годах священником здесь был Дмитрий Сергеевич Периастров (1892 – 8.05.1931). После его смерти у жены Лидии Михайловны (1895 – 1980) на руках осталось четверо детей; она уехала в Лунино, где стала ликвидатором безграмотности, организовывала школы в домах раскулаченных. Младший сын Периастровых, Аркадий Дмитриевич (1922 – 1998), был секретарем Лунинского райкома, председателем колхоза в Александровке (ныне Бессоновского района), директором школы №1 в Лунино. Вспоминать о своем происхождении он до самой смерти не любил; даже фотографии Д. С. Периастрова вырезались и закрашивались таким образом, чтобы ни рясы, ни иерейского креста видно не было.[94]

Последний настоятель храма Геронтий (Федоськин) родился в 1875 году в селе Мокшалей Саранского уезда, в 1918-м стал иеродиаконом во Вьясской пустыни, в 1921 – иеромонахом. После закрытия обители еще четыре года он жил в разных монастырях, а в 1929 году стал настоятелем Космодамианской церкви. В марте 1933 года он был арестован и осужден на 5 лет лагерей, но в начале следующего 1934 года уже вновь служил в Большом Вьясе. 2 февраля Георгия Ивановича опять забрали и посадили на 5 лет (вместе с ним на 3 года осудили Большевьясского псаломщика Георгия Ивановича Занозина (1885 – после 1934))[95], а власти, воспользовавшись отсутствием пастыря, тут же закрыли и церковь. Большевьясцы пытались воспротивиться этому, писали жалобы и ходатайства в разные инстанции.

“Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР
Заявление.

От старосты церкви села Большововьяса и того же с/совета Лунинскова раиена Средневолжскава края Ивана Кориянныча Васинькина.

У нас церква закрыта, а граждани жалают ее открыть и вести в ней службу. В церкву наш колхос ссыпал хлеп и теперьча из нее выдает. Она наверна будит порожна и вот я прошу разрешения на службу ф церкви нашай религиозной опщины. Мы если будит надо и внесём за разрешенья деньги – сколька потребуетца. Я надеюсь прозба мне разрешитца и церкофь нам откроют для службы.

1934 года ноября 3 дня к настоящему и подписи И. Васинькин росписался за нево свой гражданин Аньшкин".[96]

Но ни приходские, ни монастырские церкви открывать, конечно, никто уже не собирался. Но уже в первой половине 1944 года в Большом Вьясе в домах верующих служил нигде не зарегистрированный священник Кедров.[97] В начале 1945-го службу проводили диакон Кедров и священник Леонов[98] (под Кедровым мог подразумеваться Федор Алексеевич (1883 – после 1910), бывший с 1902-го псаломщиком в Симбухово, а с 1910 – в Напольной Тавле Саранского уезда, или Георгий Алексеевич (1885 – после 1910), с 1905 года временно исправлявший должность псаломщика в Симбухово.[99] Леонов же, вероятно, имелся в виду Лев Гаврилович, бывший в 1937 году диаконом в Лесном Вьясе[100]). Но открыть церковь тогда не удалось.

Храм вновь стал действующим лишь с начала 90-х. С тех пор и до 29 апреля 1999 года его настоятелем был Георгий Михайлович Норкин, переведенный в Лунино, а после него – Сергий Смолянец, рукоположенный в этот сан в марте 1999 года.[101]

Вьясская Владимиро-Богородицкая мужская пустынь

Во Вьясской Владимиро-Богородицкой мужской пустыни в 1855 году была построена деревянная Троицкая церковь, в 1857 (и 1903) деревянная церковь Божией Матери Живоносного Источника, в 1858 – 1863 – каменный владимирский собор и каменная колокольня, в 1898 – 1903 – каменная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.[102]

В 1913 году настоятелем пустыни стал иеромонах Геронтий (Титов; 1877 – 1937).[103] В 1914 году в пустыни находились 7 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 6 монахов, 12 указных послушников и 20 послушников на испытании (всего 51 насельник).[104]

Все монастыри были официально закрыты в 1918 году. Но во Вьясской пустыни монашеская жизнь еще несколько лет теплилась – очевидно, благодаря деятельному настоятелю, архимандриту Геронтию, возведенному в этот высокий сан на рубеже 10-х – 20-х годов, единственным из всех настоятелей и наместников монастыря. В августе 1923 года уполномоченный ГО ГПУ по Саранскому уезду Корнев писал: "Большое влияние на массы в деле сохранения традиционных религиозных привычек оказывают

монастыри. В августе месяце взяты на учет анкетным путем 16 служителей Больше-Вьясского монастыря, один из них спецосведомитель – сам настоятель монастыря Титов, который выполнил два поручения (копии при сем прилагаются). Предвидя заранее свою гибель, монахи организовали с/х товарищество и тем самым гарантировали пока себе покой. Надев на себя маску сельскохозяйственной артели, они преспокойно, как и раньше, будут продолжать свою работу". На каких основаниях причислил чекист архимандрита Геронтия к своим спецосведомителям и что представляли из себя "поручения"? Копии их, к счастью, сохранились; как читатель увидит сам, их текст не содержит в себе ничего "секретного" и вообще нужного ГПУ. Настоятель оказался сообразительней Органов, и сумел ответить на их запрос так, чтобы и не стать воистину "спецосведомителем", и не прослыть "контрреволюционером".

Первый ответ содержит в себе краткую историю и описание пустыни (такие сведения не так давно настоятель каждый год вносил в клировые ведомости): "В Саранском уезде Пенз. губ. в селе Б. Вьясе с 1708 года существует мужской монастырь. Два благочестивых старца откуда-то принесли икону Влад. Бож. Матери и поставили здесь на столике. Узнав, окрестные жители стали притекать сюда и в скором времени построили церковь; и собралось до 90 иноков. С этого времени обитель постепенно развивалась, и уже в 1850 году была состоятельной, а в конце XIX века придала вид настоящего монастыря и обзавелась лесом и постройками. До революции 1917 года монастырь имел насельников до 60 чел., земли 75 дес. и леса 93 дес. Братия занималась сельским хозяйством и скотоводством, но со времени революции пришла в упадок. Братии имеется всего 28 чел., которая занимает жилые помещения следующие: 1) одноэтаж. корпус 16 на 17 саж. размерами; 2) кам. одноэтажный флигель 15 на 6 аршин; 3) кам. одноэтажный флигель 16 на 6 аршин; 4) дер. одноэтажный флигель 15 на 9 аршин; 5) кам. одноэтажный корпус, где находится братская трапеза, кухня и хлебопекарня размером 30 на 10 аршин; 6) надворные постройки – два сарая из горбылей, размер 15 на 7 аршин; 7) навес, сарай с конюшней 60 на 9 аршин; 8) две комнаты 5 на 8 аршин; 9) один деревянный флигель 15 на 7 аршин. Все означенные постройки национализированы. Подпись: настоятель Вьясского монастыря арх. Гер. Титов. 27 августа 1923 года".

Вторая записка также не представляла никакого интереса для Саранского ГПУ, однако весьма любопытна для нас: здесь, фактически, содержится вся послереволюционная история пустыни. "Я, нижеподписавшийся, сим объясняю, что при нашем монастыре организовано с/х товарищество с целью развития и поднятия экономической жизни, и 6-го марта с.г. утверждено Пензенским губернским кооперативным подотделом по реестру №355. В состав т-ва вошли трудоспособные насельники обители, следующие лица: председателем Валентин Пряхин, 51 года, секретарем настоятель Геронтий Титов, 51 года, членом правления Анфим Белов. 51 года, и Геронтий

Федоскин, 48 лет, членами ревизионной комиссии Игорь Лихачев, 48 лет, и Флегон Липягин, 40 л., членами товарищ. Леонид Бычков, 50 лет, Макарий Камнев, 46 лет, Зосим Ежиков, 57 лет, Дорофей Белов, 35 лет, Серафим Петерсон, 42 лет, Алипий Титаев, 54 лет, Гаврил Додонов, 66 лет, Геннадий Черясов, 38 лет, Никифор Декосов, 40 лет, Степан Токарев, 53 лет, Серафим Дмитриев, 54 лет, итого 19 человек, при этом 9 человек нетрудоспособных, больных, убогих и калек. Земли у т-ва имеется 32 десятины удобной, из ней в сем году было засеяно ржаным хлебом 19 дес., каковая обрабатывалась личными руками, трудами членов т-ва. В 1922 году 4 апреля комиссией, помимо лишь одного т. Крылова, по выписке было отобрание части церковных ценностей и часть оставлена для пользования следующие вещи: 2 серебряных потира с приборами, один большой дискос со звездицей, один ковшик для запивки, один крест, один ковчег, одна риза 5 и 4 вершка с Влад. Иконы Б.М., одна большая риза с той же иконой и одна риза с Владимирской Бож. Мат., и кадило возвратили по просьбе братии. Все перечисленные вещи находятся в целости на местах и по первому требованию будут представлены куда следует. Скрытого ничего нет. Подпись: арх. Титов. 27 августа 1923 года”.[105]

Приведенные выше сведения – последние упоминания о Вьясской пустыни как о действующей. Вскоре она была разогнана. С. Б. Бахмустов относит это событие к 1924-1926 годам; мы полагаем, что оно произошло именно в 1925-м.[106] После разгона монахов двое из них, схиархимандрит Викентий (Геронтий Титов) и иеромонах Геронтий (Федоськин), остались священствовать в Лунинском районе.

По переписи 1926 года в монастыре значится 29 мужчин и 15 женщин.[107] Вряд ли если бы монастырь продолжал существовать, в нем проживало бы постоянно столько женщин. Но храмы, разумеется, закрыли не сразу: в 1927 году деревянная церковь над источником, Зимний и Летний соборы с колокольней действовали; отмечалось, что они находятся в пользовании одной общины.[108] Это последнее упоминание о действующих монастырских храмах.

Сохранились воспоминания М. В. Крохина о разрушении обители: “Сначала стали запрещать посещать праздничные богослужения. А в 1930 г. монастырь был закрыт, монахи из монастыря изгнаны, а в 1931 г. начали разрушать стены вокруг монастыря: рабочие стали разбирать по кирпичику, чтобы потом эти кирпичи пошли на строительство Дома Советов в Лунино. Но когда ограду разрушили, оказалось, что целых очень мало: кладка настолько крепкая, что кирпичи ломались на части. Разбитые кирпичи стали вывозить и выкидывать на дорогу. Дальше было еще больше кощунства по отношению к религиозным святыням. Драгоценности с икон растаскивали. Священные книги и сами иконы скидывали в большие кучи и сжигали. И все же местным жителям удалось спасти некоторые их икон. Еще в монастыре

была большая библиотека. Огромные рукописные книги в кожаных переплетах, среди них летопись монастыря. Судьба библиотеки не известна, как не известна и участь чудотворной иконы Владимирской Богоматери. Позже сняли колокола, Летний и Зимний соборы отдали в распоряжение ПМК, который оборудовал их под тракторные мастерские.

В 1950 г. в монастыре открылась школа крестьянской молодежи. В начале учеников было немного. Классы располагались в помещении монастырской столовой. Со временем учебные классы перенесли в бывшие монашеские кельи. Ученики приезжали из дальних сел и поэтому из монастырской гостиницы для странствующих прихожан и паломников сделали интернат для неместных учеников. Во многих помещениях оставались еще фрески и изображения икон на стенах. Их пытались соскребать, кое-где это удавалось. В основном же их просто забеливали. Но к концу учебного года лики святых снова и снова проявлялись из года в год. В конце концов все стены покрасили".[109]

С 1997-98 года ведется восстановление Владимирской пустыни.[110] К 2001 году над источником устроена часовня, на главном соборе восстановлены все пять куполов, оформлен вход. 3 июня 2002 года Преосвященнейший Филарет, епископ Пензенский и Кузнецкий, освятил собор, 4 июля назначил настоятельницей открытого в пустыни архиерейского подворья монахиню Троице-Сканова монастыря Еннафу (Бортникову)[111], а 30 июля утвердил новый план пустыни, составленный Д. А. Боруновым, и благословил начать по нему работы.[112]

Гольцовка

В Гольцовке **Никольская** деревянная **церковь** была построена в 1895 году.[113]

В 1907 – 1925/28 годах ее настоятелем был Иван Васильевич Феодоровский (1882 – 193?).[114] В 1924 году[115] вместе с ним служил на должности псаломщика "молодой красивый" священник Александр Иванович Любимов (1868 – после 1928), в 1890-1910 – настоятель Троицкой церкви г. Саранска.[116]

Вскоре настоятелем Никольской церкви стал Николай Александрович Тассов. Родился он в 1894 году в селе Лебедевка Пензенского уезда в семье священника, окончил семинарию, а около1926-27 года стал гольцовским священником.

Церковный хор был при нем очень большой. Тассов научил клирошан петь даже по-гречески. [117]

5 июля 1929 года его вместе с крестьянами Михаилом Сергеевичем Степановым и Иваном Ивановичем Тургеневым арестовали. 14 октября их

приговорили к расстрелу[118], а в ночь на 25 октября один из служащих при тюрьме увидел, как их вывели в одном белье во двор, посадили в “черный ворон” и увезли. Потом говорили, что у Тассова сердце не выдержало, он еще в машине умер, Тургенев “начал зря говорить”, а Степанов, когда увидел, что их к какому-то оврагу привезли, не стал из машины вылезать. Так его там и пристрелили, а тело выбросили.

Жена Тассова вскоре умерла, а двоих (или троих) детей взял к себе его брат Александр Александрович, липяговский священник.

Следующим настоятелем был “какой-то старенький”[119], а в 1933 году им стал Яков Федорович Тюрин. Местные власти попытались заставить его добровольно отказаться от службы. В марте 1935 года Тюрин писал в КрИК:

“Служителя культа села Гольцовки
Тюрина Якова Федоровича

заявление.

Находясь священником при Гольцовке с 1 апреля 1933 г. и не прерывая службы до 1 января 1935 г., ежегодно регистрируясь в Лунинском РИКе согласно общего положения, а так же и платя все требуемые с меня платежи, я по примеру прежних лет обратился к т. секретарю Лунинского РИКа с просьбой зарегистрировать меня на 1935г. и разрешить службу в том же селе Гольцовке.

Приняв мое заявление, предложили мне внести аванс (в счет уплаты налогов за 1935 г.) в сумме 800 руб. и только по представлении квитанции об уплате этой суммы обещал зарегистрировать. Но так как указанной суммы, за неимением у меня средств, я внести не мог, то последний категорически мне заявил, что без уплаты 800 руб. я не могу быть зарегистрирован. Со своей стороны я делал указания на произведенную мною в 1934 г. переплату 775 руб. 20 коп. и просил означенную сумму засчитать в налагаемый на меня взнос 800 руб., но согласия на это не получил. И поэтому церковь села Гольцовки не функционирует до настоящего времени, хотя все налоги за нее за 1935 г. уже уплочены полностью, на что имеются документальные данные.

В силу этих соображений я лично вынужден просить крайисполком, не найдет ли он возможным рассмотреть мое заявление и сделать зависящее распоряжение о разрешение сне производить службу в указанной церкви, поставив в известность Лунинский РИК и предложить последнему мою регистрацию.

Добавляю, что имею семью в шесть человек и, не служа до настоящего времени, я остался совершенно без всяких средств к существованию. Как инвалид Гражданской войны, совершенно потерявший физическую трудоспособность, вместе с семьей обречен на голодную смерть”. [120]

Крайисполком просьбу не удовлетворил, вероятно, и не ответил. В августе того же года Тюрин написал письмо в районную газету. Сохранилась

лишь машинописная копия письма, да и сам стиль вызывает сомнение в авторстве Якова Федоровича.

“Газета “Лунинская коммуна 15 августа 1935 г.

Я, ниже подписавшейся, бывший за последнее время села Гольцовки Лунинского района, Тюрин Яков Федорович, будучи с 1920 по 1935 гг. служителем культа и вращаясь за этот период времени в духовном мире, окончательно пришел к заключению, что религия есть действительно опиум народа, как сказал Карл Маркс.

Вымогательства духовенства, поборы с трудящегося населения, служение не какому-то богу, а ради материальной наживы, жизнь вдовых священников с наложницами, пьянство, разврат и все эти и им подобные обманные действия окончательно оттолкнули меня от религии. Я решил навсегда покончить с этой профессией, встать на честный путь. Откровенно сознаюсь, что и сам я, как бывший священник, идя по пути неправильному, обманывая темные массы, впал в громадную ошибку. Вина моя в том, что давно бы с этим надо было покончить и путем отказа эту ошибку можно было бы исправить, а я этого не сделал… Я снимаю с себя сан священника, навсегда порываю связь с религией и забиваю в ее загнивший гроб такой гвоздь, из которого деспотизму уже не будет воскресения.

От редакции: статья Тюрина лишний раз подчеркивает, что религия существовала и существует в интересах класса угнетателей, в лице дворянства, промышленной и торговой буржуазии и кулачества в целях лучшей эксплуатации трудящихся масс, затушевывания классовые противоречия капиталистического способа производства.

В Советском Союзе религия направляет свое острие против мероприятий партии и Советской власти в строительстве социализма.

Но в статье Тюрина не отражена классовая борьба кулачества и роль в этом церкви в условиях с. Гольцовки”.[121]

В дальнейшем гольцовцы несколько лет не давали закрывать свою церковь. От бездействия она стала приходить в ветхость.[122] В 1936-37 году церковь не была еще ничем занята, а 21 декабря 1937-го на президиуме РИКа было заслушано “решение общего собрания граждан села Гольцовки о закрытии церкви и переоборудовании здания церкви под школу. Постановили: так как решением своим общее собрание считает закрыть церькву и за неимением переоборудовать под школу за счет самообложения. Здание под школу действительно требуется, имеются 314 подписей о закрытии церкви из количества взрослого населения 487 человек. Просьбу граждан о закрытии церкви удовлетворить и возбудить ходатайство перед оргкомитетом ВЦИК по Тамбовской области о закрытии церкви в с. Гольцовке и передания здания под школу”. Разрешение это было получено 9 января 1938 года.[123]

Разместили в Никольском храме, как и везде, склад, а снесли около 1970 года.[124]

Екатериновка

Екатериновка, выселки из Проказны, значилась деревней еще в начале 1919 года.[125] В 1927-м здесь уже была **церковь**. Приходится делать вывод, что Екатериновский храм был построен в 20-х годах.

С 1927 года настоятелем его был Анатолий Петрович Иссинский. Родился он в селе Пушкино Саранского уезда в 1886 году, в 1904-м по окончании духовного училища стал псаломщиком в Панциревке, а в 1908 – в Нечаевке Городищенского уезда, с 1911 года служил диаконом в Старых Турдаках Саранского уезда, а через 16 лет стал екатериновским священником. Но уже в 1929 году Иссинский был сослан на Урал на три года, по отбытии срока еще три года удерживался в Уральской области, а в 1935-м вернулся в Екатериновку. Здесь он был вновь арестован, а 16 декабря 1937 года Анатолия Петровича расстреляли.[126]

Во время его ссылки 15 января 1934 года церковь закрыли. 10 апреля 407 из 523 жителей Екатериновки согласились с этим. Было решено переделать церковь под клуб, фактически же ее заняли колхозными семенами.

Екатериновцы подали на это жалобу. 31 апреля облисполком приказал местным властям храм “категорически вернуть в пользу верующих в трехдневный срок”. Впрочем, за исполнением этого решения никто уже не наблюдал. Говорить, что церковь не открыли, излишне.[127] В 1937 г. здесь был клуб[128], а сейчас от храма остался только кирпичный фундамент, на котором в 50-х – 60-х гг. был построен новый клуб.

Кроме того, к югу от Екатериновки есть **св. родник**. Раньше над ним была часовня.[129]

Еланка

25 июля 1875 года в селе Еланке была освящена новая деревянная **церковь во имя Божией Матери Целительницы**. В самой Еланке, от которой ныне почти ничего не осталось, в 1918 году проживало еще почти 900 человек.[130]

Последним священником здесь был Николай Михайлович Мидвежев, родившийся в 1875 году в селе Ахматовка Каменского района. В 1922-м он стал псаломщиком пензенской Боголюбской церкви, в 1924 – диаконом, в 1926 – еланским священником. После его ареста в 1933 году и заключения на три года в лагеря[131] село осталось без священника, и с 1936 года церковь была занята под склад.[132]

Иванырс

Кирпичная **Покровская церковь** в селе Иванырс была построена в 1901-1914 годах, однако левый придел к 1918 году освящен еще не был.[133] Кирпич для храма делали сами крестьяне. На колокольне находилось семь серебряных колоколов (праздничный, большой, четыре малых и пожарный).[134]

Основные строительные работы велись при священнике Павле Федоровиче Танитрове (1851 – после 1918), который запомнился жителям как батюшка “добрый, но его очень боялись и уважали”[135]. Он окончил в 1872 году семинарию и три года был учителем и псаломщиком, а затем стал священником села Веденяпино Нижнеломовского уезда. В 1880-м его перевели в село Трескино Мокшанского уезда, а в 1888 – в Иванырс, где он прослужил до 1914 года, когда перешел в Бекетовку (ныне Мокшанского района). За почти сорокалетнюю службу он награждался набедренником, скуфьей, камилавкой, орденом Св. Анны, медалью в память 300-летия дома Романовых, иконой Спасителя.

В Иванырсе его сменил сын – Михаил Павлович Танитров. Родился он 6 сентября 1879 года в Веденяпино, в 1904 окончил духовную семинарию и до 1906 был псаломщиком и диаконом в селе Никольское Городищенского уезда, затем священником Бекетовки, а с 1914 – Иванырса. С того же года он был законоучителем в Иванырсе и в Чертеимской церкви-школе. Михаил Павлович награждался набедренником, медалями в честь 25-летия церковно-приходских школ и 300-летия дома Романовых, а 1918 году от епископа Иоанна (Поммера) был удостоен камилавки.[136] Михаил Павлович умер около 1929 года.[137]

Кто был следующим священником, никто не помнит, а в январе 1933 года им стал Григорий Федорович Шахов. Он родился в 1874 года в Чиркове, в 1920-м стал диаконом в Степановке, в 1929 – священником Тепловки. В Иванырсе прослужил недолго – 1 апреля 1933-го его уже арестовали и посадили на 5 лет.[138]

После него священником был Николай Любимов. Иванырсенцы запомнили его как лучшего своего батюшку, но отчества народная память не сохранила.[139] Из священнического рода Любимовых это мог быть:

1) Нижнеломовский священник Николай Любимов, бывший в 1880 г. членом Общества распространения книг Священного Писания;[140]
2) Николай Михайлович, родившийся в 1859 г. в селе Студенец Нижне-Ломовского уезда в семье священника Михаила Гавриловича Любимова и в 1871/72 г. обучавшийся во 2-м классе Пензенского духовного училища;[141]

3) Николай Павлович, родившийся в 1873 г. в селе Шутово Наровчатского уезда у священника Павла Ивановича Любимова;[142]
4) Николай Любимов, бывший в 1908 г. благочинным протоиереем;[143]
5) Николай Михайлович (1889 – ?), который со 2 класса семинарии 1909 г. стал псаломщиком Воскресенской церкви Саранска; [144]
6) Николай Иванович, бывший в 1924 г. священником в Юдино.[145]

Из них наиболее вероятными кажутся последние двое. На сохранившейся фотографии 30-х священнику Иванырса Любимову около 40 лет.[146] Остальные Любимовы были к этому времени гораздо старше.

У Николая Любимова была гангрена обеих ног. Вскоре после ампутации ног около 1935-36 года он умер и был похоронен на сельском кладбище.[147]

Следующим настоятелем храма был некий Макарий[148], а затем Андрей Николаевич Львов, который родился в селе Козляцкое Нижнеломовского уезда в 1893 году, после окончания в 1911-м Тихоновского духовного училища стал псаломщиком в Хоненево Мокшанского уезда. Священником Иванырса ЛЬвов пробыл недолго – в 1937 году он уже жил в Еланке, где был арестован, 16 декабря расстрелян. [149]

В 30-х годах диаконом и регентом был Андрей Иванович Тарасов (ок.1895 – ок.1975). В конце 1930-х годов его арестовывали, полгода держали в пензенской тюрьме, но отпустили без суда.[150]

Даже после того, как церковь осталась без священника, иванырсинцы не допускали ее закрытия. Наиболее активные писали письма Сталину, Калинину, руководству области. В письме церковного старосты Алексея Андреевича Лямцова (ок. 1870 – ок. 1950)[151] содержится описание закрытия церкви.

“В августе 1937 г. местная сельская власть сомоуправно сбила замки с дверей церкви и расхитила все церковное имущество и деньги, не сдав таковые по назначению в пользу государства, как это требуется по закону. Вскоре после закрытия церкви наша религиозная община возбуждала ряд ходатайств об открытии церкви, сначала перед местными и областными органами, и затем обращались в комиссию по вопросам культов при Президиуме Верховного Совета. До настоящего времени никаких определенных результатов не добились”.[152]

Областное руководство, заваленное подобными заявлениями, предложило Лунинскому райисполкому проверить правомочность закрытия церкви. Предварительные оценки были весьма различны. Власти оценивали количество верующих в 355 человек, сами же верующие (видимо, с учетом окрестных сел) называли цифру в три и даже пять тысяч.

В качестве ближайшей действующей церкви власти упоминали Трубетчинскую, работа по закрытию которой шла параллельно. В документах по Трубетчине ближайшей действующей церковью называлась, естественно,

Иванырсинская.

Церковным активом были собраны подписи желающих открыть храм. Облисполком, проверив списки, пришел к выводу, что в них “оказались записанными из других с/с 223 человека, выбывших с территории с/с 2-3 года назад – 5 человек, умерших – 10 человек, по два раза – 50 человек, несовершеннолетних детей, в том числе родившихся в 1937 г. – 88 человек; обнаружены и поддельные подписи, подпись стахановки Сухановой Прасковьи Федоровны и ее семьи, комсомольца Львова, члена ВКП(б) Хохлова”. Районный ревизор подтвердил все эти факты, а так же добавил: “Один из умерших записан два раза, даже записаны дети 1926-33, 1935, 1937 г. р., 80 человек подписаны рукой одной семьи”.

Приводя такие сведения, он пишет, что сбор подписей проводила группа, в которую входят “б. монашка Кузнецова А.Я., ее муж Кузнецов Е. В., Лямцов А., Воробьева А., Маркин Илья, Малышкина Мавра, которые проводят антисоветскую агитацию… Кузнецов – жулик, проходимец, вор, конокрад, Корташов – кулак, приехавший в с. Иванырс из Б. Вьяса, в прошлом жандарм, полицейский… У всех церковников имеются библии, с которыми они ходят по всем селам с котомкой на плечах, притворяются нищими, распространяют контрреволюционную и религиозную литературу (что, впрочем, одно и то же. – Авт.), продают кресты, собирают толпы народа, выступают против Советской власти, читают библейские изречения, что “скоро свету конец, настанет землетрясение, всемирный потоп”, фабрикуют ложные списки об открытии церквей”.

Церковь сочли возможным не открывать. А самим инициаторам открытия, по их словам, “пригрозили тем, что если мы будим настаивать на открытии церкви, то нам будет <нрзб>. Потом вызвали в Лунинское НКВД, забраны были Кузнецова Анастасия, Кузнецов Ефим, Карташов Афанасий, и продержали их в Лунинском НКВД три дня”, а потом отпустили.

Анастасия Яковлевна Кузнецова позднее не арестовывалась. 16 декабря 1937 года посадили Матрену Степановну Захарову (1891 – 1961), Ульяну Кирилловну Хохлову (1899 – после 1950), Феклу Терентьевну Кузнецову (ок.1890 – после 1961), и монахиню Меркурию Никитичну Коноплеву, родившуюся в 1872-м в Киселевке. Осудили их на 8 лет.[153] Говорят, встретились они на очередном пересылочном пункте с Патриархом, который спросил: “За что сидите?” – “За церкву…”.[154]

Буквально через несколько дней после их ареста, 27 декабря 1937 года, из 1230 иванырсенцев 875 решили закрыть храм и устроить в нем начальную сельскую школу.

Осенью 1938 года в церковь было ссыпано зерно, но жители Иванырса вновь подали жалобу и список верующих. 12 октября 1938-го президиум райисполкома постановил: “считать, что составление фиктивных списков было проведено отдельной антисоветской группой людей, [имена которых] передать в Органы НКВД. Подтвердить решение… о закрытии церкви и

отношение от 17.04.1938 г. Оргкомитета ВЦИК по Тамбовской области – об использовании этой церкви под НСШ"[155]. Официальное решение о закрытии церкви из облисполкома было получено 7 января 1939 года[156], а 17 января на переоборудование под школу РИК выделил 100 тысяч рублей.[157]

На самом же деле в храме в 1940 году краткое время был ссыпной пункт, а последние 60 лет здесь размещается МТС.

С конца 80-х годов вокруг храма сложилась непонятная ситуация. В начале перестройки жители Иванырса собрали 1000 рублей на ремонт церкви, получили разрешение на открытие храма, но выселить МТС так и не удалось.[158] В то же время в списке церквей Пензенской епархии на 1999 г. Покровский храм значится действующим.[159] Получилось так, что остававшаяся последней действующей в районе в 30-х годах церковь не только не открыта, но и до сих пор не освобождена.

В трех километрах от Иванырса по дороге к Березенкам расположен **святой колодец**. Сейчас над ним устроен купол с крестом, а когда-то его пытались засыпать, сваливали туда мусор и камни, но к утру все снова было чисто.[160] Теперь на Крещение сюда снегоочистителями даже прочищают дорогу.

Казачья Пелетьма

В Казачьей Пелетьме с конца XIX века было две церкви: православная Христорождественская и единоверческая Никольская.

Рождественский храм был построен деревянным в 1903 году. В 1915-м его настоятелем был Алексей Михайлович Никольский[161]; в 1918 году, видимо, еще при нем, местные власти впервые дали понять, кто будет следить за церковью: метрические книги были сданы в Ломовское волостное правление.[162]

В 1924 году священником значится Порфирий Петрович Тихов (1883 – после 1931)[163]; его отец, Петр Васильевич (1860 – после 1918), с 1902 года был диаконом на псаломнической вакансии в Посопной Пелетьме. Сам же Порфирий после окончания трех классов Пензенского духовного училища в 1899 году стал псаломщиком, в 1906 – диаконом. В этой должности в 1910-м он был отправлен в Верхний Шкафт, а в 1918-м служил в Саранске.[164] В Казачьей Пелетьме Тихов, вероятно, долго не служил: в 1931 году он был священником в Новой Кутле, где его и арестовали.[165] Псаломщиком при Тихове был Алексей Григорьевич Захаров.[166]

Следующим настоятелем Рождественской церкви стал схиархимандрит Викентий (Титов), последний настоятель Вьясской пустыни, который служил в Казачьей Пелетьме с 1925 по 1930 год. Затем Викентий перешел в Белый

Ключ, откуда был сослан в Северный край. Времени его отсутствия хватило, чтобы закрыть церкви и в Казачьей Пелетьме, и в Белом Ключе. Рождественский храм в 1934 году числился незакрытым, но был занят хлебом.[167] В 1935-м схиархимандрит вернулся в Казачью Пелетьму, но через два года был вновь арестован и в 1938 году расстрелян.[168]

А вскоре была окончательно закрыта и церковь. 10 июля 1939 года на общем собрании колхозников некто Коволев предложил закрыть ее и передать под начальную сельскую школу. Никто из присутствующих 350 человек не высказался против, а подписей было собрано 782, среди которых, конечно же, множество подложных.[169]

Через какое-то время церковь снесли.

Сходная судьба была и у **Никольского храма**, построенного в 1883 году также из дерева.[170] С 1910-го и.д. псаломщика в ней был Семен Николаевич Нестеров (1883 – 1937), происходивший из пелетьминских крестьян. В 1914-15 гг. он был посвящен в стихарь, а в 1922 году рукоположен во иереи. В 1924-м ему сослужил псаломщик Иван Николаевич Кормилин.[170] Нестеров был арестован и осужден на три года одновременно с Викентием (Титовым) в 1932 году, и Никольскую церковь (вместе с Рождественской) в 1934 году заняли хлебом.[172]

После возвращения Семен Николаевич уже, видимо, не служил, но тем не менее был вновь арестован и 27 сентября 1937 года расстрелян.[173]

Никольский храм не сохранился.

Кроме того, в Казачьей Пелетьме находится **святой источник**. Над ним в 1997 году А.П. Захаровым была поставлена часовенка, освещенная в декабре 1999-го Владыкой Серафимом.[174]

Кирилловка

Архангельская церковь села Кирилловки была построена в 1876 году деревянной (видимо, липовой). Настоятелем ее с 1907-го был Петр Яковлевич Ионов (1868 – после 1915).[175]

В 1924 году, как и во всей округе, в Кирилловке составили опись церковного имущества, по которой главную ценность храма составляли 5 медных колоколов суммарным весом в 902 кг.[176] Архангельская церковь была “на основании постановления и подписи граждан в 1930 г. закрыта” и к 1936-му использовалась под ссыпку хлеба.[177]

Кирилловские священники почему-то постоянно привлекали к себе внимание властей. 9 ноября 1929 г. к 3 годам ссылки был приговорен Степан Степанович Уральский. Родился он в 1873-м в Тоузаково, в 1903-1914 годах

был псаломщиком в Пыркино, а около 1917-го стал настоятелем Архангельской церкви. Он “проводил агитацию против закрытия церкви”, которую без него, как мы видим, сразу же после его ареста отобрали.

В 1931 году в Кирилловке были арестованы священники Аверьян Иванович Горшков, родившийся здесь в 1879 году, и Александр Степанович Боголюбов, который родился в 1871-м в Саранске и по окончании семинарии служил в селах Старое Дракино, Анненково и Шувары Наровчатского, Саранского и Инсарского уездов. 16 мая 1931 года оба священника были приговорены к ВМН, а дату расстрела в деле даже не указали.[178]

Кирилловки (с 1996 г.) и ее церкви, как и Трескино, уже не существует.[179]

Лесной Вьяс

Деревянная **Воскресенская церковь** Лесного Вьяса построена еще в 1764 году и была к 1917-му самой древней на Лунинской земле, но усилиями местных священников и прихожан она поддерживалась в надлежащем состоянии и даже считалась крепкой.[180] В 1927 году храм действовал.[181]

Лесновьясским священником с 1914 года был Петр Сергеевич Кадышевский, родившийся в 1874-м в этом же селе, но 18 октября 1929 года он был арестован и осужден на 5 лет.[182] Нового священника сюда так и не прислали, поэтому в 1936 году констатировалось, что храм “не действует по причине отсутствия церковных служителей”.[183] Но на самом деле служители еще некоторое время оставались, что, конечно, не устраивало местных властей. Двое диаконов, Федор Васильевич Морозов (1873 – ?) и Лев Гаврилович Леонов (1887 – ?), оба уроженцы Лесного Вьяса, были арестованы 14 октября 1937 года и приговорены к 8 годам лагерей.[184] Леонов вернулся и в 1945-м служил в Большом Вьясе.[185]

На собрании колхозников 21 февраля 1939 года “П. Ст. Горошкин пояснил, что церковь стоит бесполезно, данное здание необходимо для школы”, из 510 человек за закрытие высказались 308. Закрыт Воскресенский храм был самым последним в Лунинском районе постановлением облисполкома от 17 июля 1941 года, одновременно с церковью села Пичелейка Сосновоборского района. Здание передано Лесновьясскому сельсовету под культурно-просветительное учреждение.[186]

Позднее церковь снесли, а на ее месте в 1994-96 гг. была построена **часовня**.[187]

В 1994 году на средства Анатолия Петровича Захарова, руководителя местного хозяйства “Вознесение”, было начато возведение нового **храма во имя вмч. Димитрия Солунского**. Проект его составил пензенский

архитектор Дмитрий Александрович Борунов, а иконы написала группа художников во главе с Яковом Хесиным. 8 ноября 1996 года новая церковь была освящена. На торжество приехали архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим, глава области А. Ф. Ковлягин, несколько сот богомольцев из других районов области и даже из Мордовии.[188] 31 мая 1998 года Владыка Серафим вновь посетил этот храм. А. П. Захаров был награжден орденом блгв. кн. Даниила Московского III ст., а настоятель Александр Володин – набедренником.[189]

С тех пор тщанием Захарова также восстанавливаются часовни в Тепловке и Казачьей Пелетьме, церковь в Посопной Пелетьме, Вьясский монастырь.

Липовка

Архангельская церковь села Липовки была построена каменной в 1785 году.[190] В ней еще крестили Порфирия Ивановича Войноральского (1844 – 1898), одного из организаторов пензенского народничества,[191] а в 1886 году – Константина Ивановича Аргентова. Через много лет, в 1922-30 годах, он священствовал в Верхнем Шкафте, где был арестован и осужден на 5 лет лагерей.[192]

С 1903 года липовским священником был Евгений Михайлович Перовский (1869 – после 1915). До этого он служил в Лунино и приложил там немало сил на устройство училища.[193] 24 мая 1918 года настоятелем Архангельской церкви стал Виктор Федорович Софоклов (1877 – 1937). В 1918-м он был награжден скуфьей священномучеником епископом Иоанном (Поммером), а через 20 лет, будучи уже лунинским священником, и сам принял мученический венец.[194]

Между 1919 и 1924 гг. настоятельское место занял протоиерей Леонид Николаевич Кульметьев (Кулеметев) (1871 – после 1924)[195], который стал последним и самым выдающимся священником Липовки. Он родился в семье почетного гражданина Казани, в 1895-м окончил Казанскую духовную семинарию и до 1902 г. был священником и законоучителем школ Казанской епархии. В 1903 году Леонид Николаевич окончил Казанскую духовную академию и за работу “Педагогические воззрения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического” был удостоен звания кандидата богословия и в том же году определением Синода направлен в Русский Качим Городищенского уезда, в 1905 году стал священником Никольской церкви г. Пензы, а с 1914 – ее настоятелем. В 1900-х годах Кульметьев был законоучителем ряда пензенских гимназий, с 1909-го – главой Совета Пензенского Иннокентьевского просветительского братства, а с 1911 – главой епархиального общества трезвости и благочинным пензенских

городских церквей. За годы священнической службы Леонид Николаевич был награжден набедренником, скуфьей, камилавкой, синодальным наперсным крестом, орденом Св. Анны III ст.[196]

В 1917 году, когда управляющий епархией епископ Григорий отбыл на Поместный Собор, Кульметьев как председатель Епархиального совета некоторое время управлял Пензенской Церковью.[197]

В декабре 1922 года Никольская церковь и ее настоятель перешли в обновленчество.[198] Неизвестно, почему Леонид Николаевич стал в то же время и липовским священником (возможно, не оставляя Никольской церкви), но благодаря ему Липовский приход был единственным обновленческим во всем районе.[199]

После него священника здесь, видимо, не было. Летом 1930 года через адмотдел окрисполкома проходило дело о незаконных поборах с церкви[200]; в 1932 году ее закрыли, в 1933-м устроили в здании склад.[201]

Склад ядохимикатов был в храме до начала 60-х, а затем его решено было снести. С. М. Митин вспоминает: "…Казнил он (Николай А-ин. – Авт.) нашу церковь невероятно. Накидывал он ей на белую шею стальные троса и трактором натягивал. Троса лопались, он их удваивал, утраивал. А она очень стойко сопротивлялась. Пробуксовывал один дизель, он подцеплял в подмогу еще одного-двух. Но нет силы против такой техники, сдалась белокаменная, не выдержала мучений. Но задний купол (т.е. не колокольни. – Авт.) еще несколько лет постоял. Мой дядя примерно году в 63-м сделал фотоснимок, черно-белый, любительский, того заднего купола с алтарем. А вскоре там не осталось и упоминания о том, что там стояла церковь".[202]

Липяги

Пятницкая церковь села Липяги была построена каменной в 1772 году. С 1904-го ее настоятелем был Василий Дмитриевич Феодоровский (1875 – после 1918). В 1897 году он окончил Духовную семинарию и стал учителем в Архангельском-Голицыне Саранского уезда. Через два года Феодоровский был назначен диаконом Ивановской Вирги Нижнеломовского уезда и тогда же рукоположен во священники с. Сипягино Инсарского уезда. В 1900-м его перевели в Дубасово (Танеевку) Мокшанского уезда, а затем – в Липяги.

Псаломщиком с 1897 года был Петр Алексеевич Касаткин (1880 – после 1918)[203], которого в 1924-м сменил его сын, Александр Петрович.[204]

В том же году священником в Липягах был Александр Александрович Тассов. Родился он 28 октября 1891 года в семье священника с. Лебедевки Пензенского уезда. После окончания семинарии был учителем в Трофимовке Городищенсского уезда, а в 1914 – диаконом в Чертково (Бессоновского района) и священником в Широкоисе (ныне Иссинского района)[205].

Картина разорения липяговской церкви приводится в заявлении верующих 1933 года.

“16 июля 1933 г., когда все люди были по разным видам работ в поле, председатель сельсовета Дмитрий Евсеев, председатель колхоза Степан Бобков, Агафонов, Паненков и др. подобрали где-то ключи к наружному замку и отперли. А нутряной замок все-таки воспрещал им зайти в церковь. Они взяли топор, выбили одну крестовину у рамы, что выше входной двери в церковь, подсадили туда комсомольца Паненкова, который взмахом топора исковеркал нутряной замок. Они вошли в церковь и перековеркали в ней все ни на что не похоже. Обо всех безобразиях, произведенных над церковью, мы, верующие, описывать не будем. А короче скажем о проделках сельсовета. Председатель сельсовета Евсеев взыскал с нас, верующих, все виды налогов за 1933 г.: страховку, налог со строений и аренду и выдал установленную платежную квитанцию.

Председатель сельсовета Евсеев и председатель колхоза Бобков (оба из Чирково) хотя и делали собрание о том, чтобы верующие граждане отказались от церкви. Хотя службы в то время и не было (за неимением священника), но отказа от церкви со стороны нас, верующих, совершено не было и быть не может.

Мы, верующие, проводя временную жизнь на земле и желая жить так, как присуще человеку, отделяя себя от всякого рода домашних животных, и не влечем за собой тех, кто не хочет, так как человек человеком эксплуатироваться не должен и быть этого в Советском Союзе не должно.

В силу выше изложенного, мы, верующие села Липяги, убедительно и всепокорнейше просим Крайисполком о скорейшем предложении Липяговскому сельсовету об очистке и передаче в наше религиозное распоряжение церковь для приведения ее в порядок требуемым ремонтом. О последующем решении благоволите сообщить нам.

Холину М. В-чу”[206].

Далее в храме разместили зернохранилище, а как использовалась окрестная территория говорится в другом заявлении липяговцев: “Церковная сторожка, вопреки желаниям верующих, занята детской площадкой и заведующая площадкой гражданка Малькова Екатерина позволяет детям входить в ограду, лазать по крыше и даже впускает в церковь”.

Оформлять официально документацию на закрытие власти не спешили. В марте 1936 года РИК писал Липяговскому сельсовету: “Вы обязывались о развертывании массовой работы среди населения и на основании таковой оформление материала о закрытии культового здания церкви. Но, несмотря на прохождение продолжительного времени, с вашей стороны по этому вопросу ничего не сделано. Предлагаю вам организовать работу так, чтобы обеспечить оформление материала о закрытии церкви не позднее 1 мая 1937 г.”.[207] О самой “работе” ничего не известно, но храм в 1938 г. был закрыт.

Остов его сохранился и сейчас. Время не пощадило старейшей церкви Лунинского района: кровля обвалилась, кирпич выветрился. Внутри – обрывки магнитофонных лент, современные надписи. К храму постепенно подбирается овраг. Восстановить Пятницкую церковь вряд ли возможно.[208]

Ломовка

Казанская церковь села Ломовка, построенная в 1794 году[209], по праву считалась одним из самых благолепных и богатых храмов округи. Немало сил на ее устройство и изучение истории потратил Владимир Федорович Корсаевский (1870 – 1938), бывший здесь священником в 1905-1928 гг. Его исторические выписки и ныне являются ценным материалом для изучения Ломовки. Брат его, Сергей Федорович (1872 – 1932), в 1897 году окончил Казанскую духовную академию со званием кандидата богословия и в 1900-х годах был преподавателем Пензенской духовной семинарии и инспектором Тихоновского духовного училища, а Владимир Федорович в 30-х годах жил в Пензе, служб, видимо, не совершал, но 13 марта 1938 года был расстрелян.[210]

Диаконом при Карсаевском в 1924 году служил Василий Григорьевич Захаров, а псаломщиком – В.В. Дружинин. В первые годы советской власти при храме был заново создан церковный совет. В 1924 году в него входили двое бедняков – Георгий Данилович Шумилин и Иван Зиновьевич Рассказов и пять середняков – Николай Владимирович Борисов, Василий Петрович Коннов, Василий Иванович Медянцев, Федор Иванович Моеров и Михаил Анатольевич Круглов.[211]

После отъезда священника церковная жизнь в Ломовке расстроилась. В 1935 году отмечалось, что “церковь с 1933 г. занимается под ссыпку хлеба, внутренности ее поломаны”. Верующие Ломовки несколько раз ходатайствовали об открытии своего храма. Основным инициатором этого был церковный староста Николай Алексеевич Кусакин. После его смерти в 1935-м сельчане особой активности не проявляли, писать какие-либо заявления и собирать подписи отказывались, помня, возможно, как в 1933 году посадили на три года Аграфену Николаевну Зайцеву (1883 – ?), которая с 17-летнего возраста читала псалтырь по покойникам в Ломовке (это было расценено как антисоветская агитация).[212] Однако одна из “жалоб” в КрИК от 5 марта 1936 г. сохранилась. Она написана карандашом на плохой бумаге, от долгого хождения по инстанциям истерлась и читается лишь фрагментарно:

“Дорогие товарищи. Обращаются к вам с просьбою граждане села Ломовки Больше-Вьясского района. Мы верующие религиозной общины. Церковь пустует с 1933 года вследствие отсутствия священника. В настоящий момент ее заняли под хлеб.

Дорогие Товарищи. И обращаемся мы к вам с Великою Просьбою. Прекратите такие безобразия и разрешите нам религиозной общине производить Богу службу. Так как округ нашего селения… Если что от нас тут нужно, верующих список, то мы вам вышлем…[Церковь стоит пустая], поэтому пользу Государству не приносит. В церкви ломать до сего времени… вещи били… Как поступил этот председатель Ефим Горошкин ее разрушил… Товарищи, мы вас просим, просьбу нашу не откажите… Товарищи такое творят безобразие, скажем стороной, вы бы не позволяли так головотяпничать…".[213]

В апреле 1936 года крайисполком предложил местному руководству немедленно освободить Ломовскую церковь. Но Большевьясский РИК тут же произвел "обследование на местности": "Религиозная община, состоящая из трех-четырех человек, исключительно стремяться для своих корыстных целей, а остальная колхозная среда совершенно настроена против тех мероприятий, которые выдвигает религиозная община. Хотя в выше указанных церьквах и ссыпается семенное зерно колхозов, но все же внутреннее и внешнее оборудование находится в полной сохранности…".[214]

К середине 1945 года из Ломовки вновь поступили ходатайства об открытии храма[215], но и на сей раз сельчане ничего не добились.

Через несколько лет в храме устроили МТС (причем тогда о сохранности "внутреннего и внешнего оборудования" уже никто не беспокоился), а в начале 60-х его сломали.[216] По словам В. А. Симонова, чтобы получить разрешение на снос Казанской церкви – памятника архитектуры, была отослана фотография не столь ценной посопно-пелетьминской. На ее месте построили дом культуры, существующий и ныне. Правда, в последнее десятилетие он пришел в запустение и предполагается на средства А. П. Захарова его отремонтировать и открыть молитвенный дом.[217]

Благоустроен и расположенный рядом **источник**, на котором некогда явилась чудотворная Казанская икона.[218]

Лунино

Третье здание **Архангельской церкви** села Лунино было построено в 1849 года тщанием приходского священника И. П. Покровского.[219]

Одним из последних ее настоятелей был Дмитрий Михайлович Данилов (1861 – после 1924). После окончания семинарии он был направлен псаломщиком в Потьму Нижнеломовского уезда, а в 1883 году рукоположен во священники в село Ново-Никольское Мокшанского уезда. Через два года его перевели в Свинуху, еще через четыре – в Чернозерье, а в 1903-м – в Лунино. Дмитрий Михайлович трижды удостаивался архипастырских и синодальных благословений, а также был награжден набедренником, скуфьей

и камилавкой.[220]

В 1924 году ему сослужили диакон Дмитрий Степанович Тимохин и псаломщик Алексей Захарович Терхунов.[221]

После Данилова лунинским священником был Иван Васильевич Феодоровский (1882 – 193?). Родился он в Воскресеновке Пензенского уезда, в 1905 г. окончил семинарию и вскоре стал псаломщиком Конной Слободы Пензенского уезда, в 1906-м был рукоположен во священники села Липлейки Мокшанского уезда, в 1907 – переведен в Гольцовку. Здесь он заслужил набедренник (1912), архипастырское благословение (1915) и скуфью.[222]

Между 1924 и 1928 гг. Иван Васильевич стал настоятелем Архангельской церкви. В 1929-м его арестовали. В тюрьме он сидел с гольцовцами Г.С. и В.С. Степановыми. Вызвали Феодоровского как-то на допрос, а вернулся он уже остриженый. Григорий спрашивает: “Что это вы, батюшка?” А тот ему: “Гриша, что делать?…”. Решили, что он отрекся.

Но Ивана Васильевича все равно сослали в лагерь, в Саровский лес. Жена его, Марья Федоровна, поехала к нему, лесом шла, а на нее волки напали и разорвали всю. А Феодоровскому принесли только одежду да записку, к кому она шла. Вскоре он умер.[223]

Назвать религиозным население Лунино было сложно, сказывался статус базарного села и важной дорожной развязки, куда стекался люд с окрестных поселений. Но закрытие церкви вызвало у лунинцев справедливое негодование. Еще в середине 1929 года (видимо, после ареста священника) верующие просили не закрывать церковь. Окрисполком ответил, что они волнуются еще рано – по этому поводу в селе были только проведены собрания.[224] Но, как оказалось, работать оставалось церкви уже чуть больше года. Дальнейшие события видны из заявления 1934 года:

“Всесоюзному старшине Михаилу Ивановичу Калинину
от уполномоченных религиозного общества села Лунино
Седовой Елены Максимовны,
Киреевой Пелагеи Тимофеевны.

Настоящим заявлением обращаемся к вам, Михаил Иванович, как к Верховной Власти, просим не отказать в нашей просьбе.

Дело в том, что у нас местная власть отобрала церковь, по церковному делу мы были три раза и все обещали открыть, давали бумаги для открытия церкви, но местная власть во главе начальника ГПУ <фамилия нрзб> и его помощника т. Ермокова, председателя РИКа т. Бабелем окружили церковь вооруженной милицией, на это время церковный совет арестовали, освободили церковного старосту и ему велели открыть церковь для проверки имущества, но вместо проверки стали бить и ломать иконы, иконостас, паникадило и др. вывозили в ГПУ. Церковь построена нами лично, т. е. Обществом Лунино.

Михаил Иванович, лунинское религиозное общество просит вас дать распоряжение и вернуть нам церковь, хотя бы в ней нет ничего. Лунинцы принесут из домов свои иконы и поставят в церковь. Есть еще церковь в Трубетчине, считается не закрытой, но председатель с/с Лазутин насыпал в нее хлеба и все там поломал. У нас сейчас несколько сел, которые живут недалеко от церкви Лунино: Трубетчина, Мантурово, Малое Левино, Жиденовка <?>, а церковь есть за 7-15 км.

Михаил Иванович, просим вас не отказать в нашей просьбе и сделать распоряжение для открытия церкви.

1.5.34 г.”.[225]

Заметим, что Бабель был председателем Лунинского райисполкома в 1931-м[226]; следовательно, и разгром Лунинской церкви надо относить к 1931 году. В 1937 году в церкви устроили МТС.[227]

Участвовать в разрушении храма лунинцы отказались. В начале 60-х для взрыва церкви наняли татар, кому-то из них придавило обломками ноги.[228] Тогда же здесь построили ресторан “Березка”, который, по выражению районной газеты, “долго радовал лунинцев вкусной и свежей пищей”.[229]

Уже после закрытия церкви в Лунино (точнее, на ул. Пионерской, т.е. в Трубетчине) жил нигде не служащий священник Алексей Андреевич Новгородский (1880 – 1937), уроженец Белогорки Мокшанского района, рукоположенный в 1924 году в Тепловку, в 1929 году он был переведен в Широкоис Иссинского района на место М. Е. Боканова. В 1930-м его посадили на 5 лет, по отбытии срока он поселился в Лунино, но в 1937 году “за антиколхозную агитацию” был арестован и 22 октября расстрелян.[230]

Священник Виктор Федорович Софоклов (1877 – 1937) после окончания семинарии был псаломщиком в Паньже и Салмановке Наровчатского уезда. С 1901-го он был священником Трескина, а с 1918 – Липовки.[231] В 30-х он жил в Лунино, 16 декабря 1937 года был расстрелян.

Первая попытка возродить церковь произошла после избрания нового Патриарха в 1943 году. В Лунино тоже поверили в то, что “теперь можно” и даже попытались возродить общину верующих, но власти, по крайней мере на местах, вовсе не были рады такому повороту событий. Основной инициатор “контрреволюционных действий” уроженка Назарьевки Вера Петровна Назарова (1887 – ?) была арестована в октябре 1944 года, а посадили ее на 5 лет.[232]

К счастью, в этом году возвратившийся было антирелигиозный террор и закончился. Но открыть церковь лунинцы не отчаивались: за 1948–49 гг. из Лунино об этом было подано 8 прошений.[233]

Спасская церковь села Трубетчины, ныне являющегося северной частью Лунино, была построена каменной краснокирпичной в 1885–1887 годах.[234]

С 1912-го священником здесь был Владимир Алексеевич Шеин (1886 – после 1932). Родился он в Наровчате в семье учителя. В 1905 году после окончания семинарии стал священником в селе Уды Саранского уезда, там с 1909-го был членом Благочиннического совета, с 1910 – цензором проповедей, а затем был перемещен в Трубетчину. В разные годы он был дважды удостоен архипастырского благословения, в 1909 – набедренника, в 1914 – скуфьи, 26.9/9.10 1918 – камилавки. Владимир Алексеевич пользовался известностью и уважением в округе: в 1917 году его избрали депутатом духовенства Мокшанского уезда на Первый Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве.[235] Конечно же, деятельность Шеина не осталась незамеченной и с другой стороны – в 1929 г. его сослали на 3 года в Сибирь, а по окончании срока еще на три года Владимир Алексеевич был лишен права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к определенному месту жительства.[236]

При Шеине с 1918 года причту перестало выплачиваться жалование[237], в 1921-м во время стихийного пожара была разрушена кровля трапезной.[238]

Коснулось Спасскую церковь и изъятие ценностей в 1922 г. Властью была отобрана серебряная риза весом почти 30 кг. Однако часть вещей удалось отстоять, они были заменены деньгами, собранными верующими.

В 1924 году при церкви еще висело 6 медных колоколов весом от 14.3 до 4903 кг.[239] Возможно, именно поэтому местные власти так заинтересовались состоянием колокольни (высотой 25 метров, увенчанной куполом и шпилем еще на 10 м). К 1932 году из-за трещины на стыке с трапезной она отклонилась на 0.7 м. Был составлен технический акт, по которому ремонтировать здание уже не имело смысла. Колокольню необходимо было разобрать (и, следовательно, колокола передать на нужды индустриализации).[240]

Священником в это время был Сергей Яковлевич Никольский (1873 – ?). В 1894-м он окончил семинарию, был псаломщиком, а затем диаконом Никольской церкви Пензы. Через два года стал священником села Чирково Мокшанского уезда, а в 1912 – Кривозерья Нижнеломовского и Ильмина Городищенского. В 1900 году он награждался набедренником, а в 1913 – медалью 300-летия Дома Романовых.[241] В марте 1932-го он был арестован, а в апреле осужден на 5 лет.[242]

Вместе с Никольским забрали и диакона Николая Ивановича Бударина. Родился он в 1875 году в крестьянской семье Усть-Вазерок Мокшанского уезда. После окончания земской школы с 1893 г. в течение 4 лет учительствовал в сельской школе грамоты, в 1903-м стал псаломщиком в родном селе, а в 1906 – в Трубетчине. В 1908 году Бударина рукоположили во диаконы. Эту должность он и занимал до своего ареста.[243]

В 1932 году крайисполком утвердил закрытие Спасского храма. Но

трубетчинцы не могли смириться с таким положением дел, тем более что здесь церковь даже ничем не заняли. Дальнейшие события видны из их заявлений от 17 апреля и др. 1934 года:

“Самара Крайисполком

Просьба

Верующих граждан села Трубетчины и прихожан церкви села Мантурово, Малое Левино, Жидовино <?> и села Лунино. Так как 8 тыс. верующих просят крайисполком, чтобы нам на 7 сел открыли бы церковь и разрешили бы в ней вести службу, так как мы верующие ходим за 10-12 верст в церкову и так кстить и упокойников носим. Как мы прихожане, что полагалось, какие-либо плотяжи, то мы их выплотили бы. У нас ходатайство перед церковью, которое нам давал разрешение. Так Трубетчинский и он же Лунинский с/с нарушил все правила, тоесть таковы насыпали хлеб. Против никто не говорил, но собрались избраны какие-то лица, переломали внутри церкви, которые причинили убытку наиболее тысячи государству. Это не помочь государству, а вредительство. Таких граждан придать суду.

Так крайисполком просим, чтобы вы бы шли навстречу верующим, открыли службу и мы верующие в настоящее время признаем службы как истуканы. Так просим неоднократно, чтобы нам открыли службу и чтобы с/совет не воспрещал, и подчинился бы вашему органу, т.к. вам известно, что верующие от веры и веру не бросают”.[244]

“В Самарский Краевой исполком от уполномоченной общины села Трубетчина Анисии Ивановны Лушиной

заявление.

Настоящим заявлением религиозная община Трубетчины просит крайисполком о передаче нашей церкви в распоряжение религиозной общины. На днях наши уполномоченные ездили ВЦИК к т. Калинину, он наше заявление принял и сказал, что немедленно нужно ехать в Самару. “Я все дела перешлю почтой в Самару”. Так же нашему уполномоченному сказали, что Трубетчинская церковь не закрыта. В 1933 г. осенью председатель с/с т. Лачугин открыл церковь, изломал там все иконы, иконостас, насыпал в нее хлеба и до сего времени церковь находится в распоряжении Лунинско-Трубетчинского с/с… Религиозная община просит вас сделать распоряжение для открытия Трубетчинской церкви в Лунинский с/с и райисполком, чтобы они отдали церковь верующим. Просим не отказать в нашей просьбе”.[245]

Два раза принималось постановление о закрытии Трубетчинской церкви (1932 и 1934), но в 1937 году оба они были признаны “незаконными”. В этом году была вновь проведена подписка, по которой из 2850 трубетчинцев 2029 высказались за закрытие. Множество подписей было собрано среди учеников 9-10 класса (15-17 лет). Комментарии “10-а”, “10-в” дают понять, что “автографы” собирались прямо по классным спискам, тем более, что Спасскую церковь предполагалось переоборудовать под школу крестьянской

молодежи. 9 июня 1937 года райисполком закрыл храм. Был составлен план реконструкции (со сносом злополучной колокольни и устройством второго этажа).[246] Дело до конца, естественно, не довели. Председатель Лунинского с/с Грачев оправдывался: “Застой строительства и переоборудование Трубетчинской церкви явился вследствие отсутствия средств”. А облисполком утвердил закрытие 26 ноября того же 1937 года.[247]

“Красную” Спасскую церковь снесли лет через десять. А в 50-х годах на ее месте расположился пищекомбинат (по крайней мере в 1955, когда был построен кондитерский цех[248]).

Весной 1997 года в Лунино приехал большевьясский священник Георгий Михайлович Норкин (род. 1949) с целью добиться своего храма. Председатель колхоза “Вперед!” (бывш. “Вперед к коммунизму”) согласился отдать для этих целей пришедший в запустение к тому времени местный клуб, находящийся по старому делению в Трубетчине. Несколько месяцев ушло на ремонт и переоборудование здания. Большую помощь при этом, по словам Владыки Серафима, оказал А. М. Демидов. 18 июля 1997 года названный в честь **преподобного Сергия Радонежского молитвенный дом** был освящен, а настоятелем назначен сам отец Георгий. 18 июля 1998 года сюда приезжал Высокопреосвященнейший архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим. Проведя в сослужении с епископом Красногорским Саввой молебен, он около 11 часов уехал.[249]

Сейчас Сергиевский молитвенный дом открыт лишь по выходным и праздникам. Численность прихода составляет 50-70 человек постоянно.[250]

Мерлинка

В Мерлинке в 1889–1890 годах была построена каменная **Казанская церковь**. С 1905 года ее настоятелем был Петр Иосифович Иванисов. Родился он в 1881-м в семье пономаря с. Спасское Инсарского уезда, в 1903 году по окончании Пензенской духовной семинарии стал псаломщиком Покровской церкви Пензы, а через 2 года – священником Мерлинки и законоучителем земской школы. С 1909 года он был попечителем начального земского училища в этом же селе.[251]

Около 1944-47 года Иванисов стал протоиереем, настоятелем Митрофановской церкви, председателем епархиального совета и благочинным пензенских городских церквей. В 1951 году он отпевал старца Иоанна Оленевского.[252]

23 апреля 1917 года преосвященным Григорием Краснослободским в Мерлинку был командирован священник Федор Алексеевич Веселовский (1875 – после 1919), утвержденный в мае 1918-го штатным священником. Именно при нем 18 января 1919 года “церковное имущество было принято

Мерлинским волостным Совдепом", им же отобраны метрические книги и исповедные росписи с начала XIX века.[253]

Веселовский пробыл здесь священником недолго. К 1924 году его место занял Алексей Павлович Тихомиров.[254] Родился он в 1883-м в Белогорке Мокшанского уезда, после окончания Михайловской церковно-приходской школы в 1902 стал псаломщиком в Танеевке, в 1909 – в Адашево Инсарского уезда. В 1914 г. в связи с началом войны был мобилизован. Службу отбывал в Инсаре, позднее вернулся к церковной деятельности, около 1920-го стал диаконом Тоузаково.[255]

Диаконом при Тихомирове был Филипп Иванович Марушкин (1881/82 – ?).[256] Тогда же, в 1924-м, имущество Казанской церкви было описано (в том числе 6 медных колоколов общим весом почти 2.5 тонны[257]).

В 1934 году Мерлинская церковь была еще официально не закрыта[258], но с 1 июля 1933-го занята хлебом.[259]

В 70-х годах стены храма растаскивали тракторами на кирпич, который вывозили в Лунино. Боковые приделы и алтарь сломать удалось, остальное было сложено настолько крепко, что выдержало все посягательства.[260]

С 1983 года[261] церковь стоит без изменений и вот-вот грозит обвалиться. В юго-западном углу трапезной сохранилась полустершаяся запись: "СЕЙ ХРАМ ремонтирован в … [между 1905 и 1907] году в царствование ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II при епископе Тихоне, настоятеле Петре Иосифовиче Иванисове и [ктиторе] Цыбареве. Ремонт производился на церковныя средства и на [деньги <?>], пожертвованныя бр. К.Г. и В.Г. Морозовыми, … Цыбаревым, …" (далее следует длинный список доброхотодателей; он нечитаем).[262]

Михайловка

В деревне Михайловке **церковь-школа во имя блгв. кн. Александра Невского** была построена и освящена в 1896 году. В 1904-м она сгорела, но была возобновлена. И церковь, и школа находились в ведении священников соседнего села Юдино.[263]

В январе 1919 года сообщалось, что служба в церкви уже не совершается.[264] В дальнейших документах как церковь здание уже не фигурирует.

В июле 1937-го была арестована жительница Михайловки Татьяна Титовна Дугина – староста церкви (видимо, Юдинской). Приговорили ее к 8 годам лагерей.[265]

Назарьевка

В 1894 году в Назарьевке был построен каменный с колокольней **Троицкий храм**.[266]

С 1912 года его настоятелем был Николай Васильевич Яхонтов (1886 – после 1924).[267] После окончания в 1908-м Пензенской духовной семинарии он был направлен псаломщиком в Елизаветино Мокшанского уезда, а через четыре года – священником в Назарьевку.[268]

В 1924 году вместе с ним священником на псаломнической вакансии служил Сергей Иванович Крылов. Он родился в 1901 г. в семье священника села Чирково Пензенского уезда Иоанна Степановича Крылова и в 1915-м обучался в третьем классе Пензенского духовного училища.[269]

В 1934 году службы в церкви еще проводились[270], а в 1935-м здесь устроили зернохранилище[271], хотя еще два года храм продолжал числиться действующим.[272]

Церковь в Назарьевке, построенная в "русском" краснокирпичном стиле, стоит и поныне. Ни куполов, ни колокольни уже нет, но стройные ее очертания угадываются и сейчас.

Напольный Вьяс

В Напольном Вьясе в 1868 году была построена деревянная **Знаменская церковь**. Особенно много трудов на ее благолепие положил бывший с 1893 года напольновьясским священником Андрей Васильевич Благовещенский: в 1898-м храм был обшит тесом, в 1904 – оштукатурен.[273] В 1927 году он числился действующим[274], а в списках церквей 1934-1936 гг. по неизвестным причинам уже не значится.[275]

Новая Кутля

Кирпичный **Никольский храм** Новой Кутли был построен в 1809 года с колокольней (которая не сохранилась).

Евгений Константинович Любимов (1866 – после 1924), бывший ее настоятелем с 1899-го, родился в с. Ростовке нынешнего Каменского района, после окончания семинарии в 1889 году стал священником Обловки Пензенского уезда, а через десять лет – Кутли. За свою службу он был награжден набедренником, скуфьей и камилавкой, а в 1915-м получил благодарность "за самоотверженную деятельность при охранении храма в селе Старая Кутля во время пожара".[276] Сам Евгений Константинович судим, насколько известно, не был, но его брат, П. К. Любимов, бывший священником Азяся Мокшанского района, арестовывался в 1931 году.[277] Другой брат Любимовых, Владимир, в 1918 году был священником

Царевщины Мокшанского уезда.

Следующий настоятель Никольского храма Порфирий Петрович Тихов (1884 – ?) в том же 1931 году был арестован и приговорен к 3 годам лагерей.[278]

В 1934-м служба уже не проводилась[279], а к 1 августа 1935-го здание использовалось под зерносклад. Через год, 3 июля 1936 года, пленум сельсовета принял и официальное решение: “Постановили: вследствие того, что большинство масс колхозников требует переоборудовать здание местной церкви, так как потерявшая всякий вид внутренний и наружный религиозного образа церкви, что несомненно требует перестройки под культурный очаг с целью полезности колхозных масс и пролетарскому государству”. Из 401 кутлинца 299 высказались за закрытие. Через два дня, 5 июля, акт утвердил райисполком.[280]

Стоит Никольская церковь и поныне. За последние два десятилетия с нее окончательно обрушилась кровля, но в притворе еще сохранилась роспись “Христос у Овчей купели”, испещренная различными надписями, а в алтаре, у кирпичного Престола – сломанная лопата, которой его, очевидно, безуспешно пытались разбить.[281]

Посопная Пелетьма

Каменный **храм Рождества Христова** в Посопной Пелетьме был построен в 1848 году. К 1915-му его настоятелем стал Павел Владимирович Диличенский[129], а в 1921–1926 им был Мефодий Ефимович Боканов (1892 – после 1929), сосланный впоследствии на Соловки.[283]

В 1934 году служба в церкви еще проводилась[284], а в 1937-м она была уже закрыта.[285] Храм был не слишком большой по размерам (относительно своих соседей) и, видимо, именно это и спасло его от разрушения и в 30-х, и в 60-х.

С позапрошлого года усилиями А. П. Захарова церковь восстанавливается. К декабрю 2001 года вновь построен купол, храм оштукатурен внутри и снаружи.[286]

Родники

Церковь Параскевы Пятницы в Родниках была построена деревянной в 1772 году, а в 1854-м перенесена на место у кладбища[287], где остатки ее кирпичного фундамента сохранились поныне.

Дмитрий Иванович Конусов (1882 – после 1918) после окончания в 1906 году семинарии стал псаломщиком в Покровской церкви Краснослободска, а в 1912-м был рукоположен во священники к Родниковской церкви. Конусов

награждался набедренником (1916) и скуфьей (1918).

При нем вокруг церкви была построена деревянная ограда. А в 1918 году он оформил последнюю ведомость о церкви, согласно которой в этом году была национализирована вся церковная земля, а хранившиеся при храме метрические книги, отобраны Мерлинским волисполкомом.[288]

В марте 1922 года родниковским священником стал Константин Леонидович Сокольский. Он родился в 1896 году в семье священника в с. Черная Пятина Нижнеломовского уезда. Окончил перед революцией духовное училище, а в 1917 г. был призван в Красную армию и служил переписчиком в Пензе и Киеве. Но 24 декабря 1921 года Сокольский был рукоположен во священники и направлен в село Овчарное Нижнеломовского уезда, а затем в Родники. При нем в 1924 г. была проведена опись церковного имущества: описаны все сосуды, иконы, книги, пять медных колоколов общим весом 2870 кг.[289] Служил ли Сокольский в Родниках вплоть до закрытия церкви, – неизвестно, но к концу 20-х он еще был здесь.[290]

Диаконом к 1924 году был Павел Петрович Кипрский, родившийся в 1902 г. в с. Куземкино Керенского уезда. Окончив, вероятно, церковно-приходскую школу, в 1916 году он стал псаломщиком, служил какое-то время в селах Яковщино Инсарского уезда и Засечное Наровчатского уезда. В декабре 1918 года Кипрский стал псаломщиком, а позднее диаконом в Родниках. Последний раз он упоминается в 1924-м.[291]

Сохранилась фотография церковного хора конца 20-х годов. Крайние справа на ней – церковный староста Ф. Кальманов и регент Фекла Федоровна Будникова. Однако в этот период хор мог называться “церковным” лишь условно: на Пасху он пел в храме, а на Первомай – в колхозном клубе.[292]

О священнике в народной памяти сохранились лишь отрывочные и неопределенные сведения (попова собака покусала М. П. Краснова; он побил попа.[293] Какой-то пьяный мужик продырявил шилом радиаторы новых колхозных тракторов; решили, что это он сделал по наущению попа и отрезали тому бороду.[294] Поп кормил яйцами свиней[295]).

Более четкие воспоминания сохранились об Иване Иосифовиче Попове (1842 – ок. 1930). С 1864 г. он служил в Родниках псаломщиком, в 1875 – 1906 – диаконом, а затем до 1918-го из-за упразднения должности диакона – снова псаломщиком.[296] В конце 20-х он уже редко выходил из дома, сгорбленный, опираясь на две клюшки. Сын Попова Петр в 1938 году был расстрелян[297], а дочь Клавдия до преклонного возраста жила в отцовском доме на улице Сергеевой, пользуясь всеобщим уважением родниковцев.[298]

Церковь в Родниках была закрыта в 1933 году. По воспоминаниям старожилов, комсомольцы-активисты залезли на крышу, сбивали замки с церковных сундуков, сжигали иконы и хранившиеся в церкви книги, скручивали из рукописей папиросы. На шум сбежалось много родниковцев,

которые в целом относились к такому вандализму отрицательно, но против не выступили. Только Анисья Трошина, маленькая щуплая женщина, выхватила из общей груды огромную запрестольную икону Спаса, которая была выше ее роста, и отвезла ее к себе домой. Позднее икону передали в одну пензенскую церковь.[299]

Тогда же подвергся осквернению семейный склеп купцов Начаркиных. Прах вытряхнули из свинцовых гробов. Из свинца отлили то ли кружки, то ли игрушки. А одежду покойников донашивали комсомольцы.[300]

Коснулось Родников, как это и не парадоксально, и закрытие монастырей. Когда упразднялась обитель, оставшихся не у дел насельников разгоняли на все четыре стороны. Так произошло и при закрытии Мокшанского Казанского женского монастыря. Одна из его послушниц, Прасковья Яковлевна Ежова (1890 – ок. 1931), бывшая здесь с 1906 года образницей и клирошанкой, тоже вернулась на родину – в Добролюбовку (ныне часть Родников).[301]

В церкви разместили колхозный амбар, а официально она была закрыта 10 апреля 1934 года. В качестве аргумента было выдвинуто то, что "церковь в селе пришла в ветхое состояние, балки церкви подгнили, что безусловно грозит опасности верующих". Был составлен соответствующий технический акт, согласно которому здание должно было вот-вот рухнуть.[302] Но, впрочем, после зерносклада здесь размещался клуб, медпункт, с 50-х годов библиотека, а в конце 70-х здание разобрали на строительство дома.[303]

В отличие от окрестных сел, жители Родников не проявили религиозной активности, от них не было подано ни одного заявления с просьбой об открытии церкви или жалобы на бесчинства местного руководства. Хотя в целом назвать старшее поколение родниковцев атеистами нельзя; еще в 50-х годах всех детей крестили, а родниковские певчие были известны всей округе, их приглашали отпевать покойников.[304]

Сандерки

Никольская церковь села Сандерок (26.3х9.2) была построена в 1804 году каменной с колокольней, на которой в 1924-м было 6 колоколов весом от 6.5 кг до 1710 кг.[305]

В 1918 году сообщалось: "земли при церкви состоит… 36 десятин, земли сии отобраны прихожанами… Копии с метрических книг отобраны Советом народных комиссаров".[306]

Одним из последних священников в Сандерках в 20-х годах был Петр Иванович Стернов (ум. после 1924)[307], а к началу 30-х его место занял Александр Федорович Невзоров (1875 – ?), в 1933-м приговоренный к 5 годам лагерей (о нем известно также, что в 20-х он служил в Нижних

Полянах Белинского района).[308] В то же время, в 1932 году, под хлеб был занят и Никольский храм.[309] Сейчас от него ничего не осталось.

Симбухово

Введенская церковь села Симбухова была построена еще в 1779 году. Она была каменной, поэтому сохранилась лучше своих деревянных "сверстниц", но не малую роль в ее сохранности сыграли и постоянные обновления: в 1902-м было устроено отопление, в 1903 – сооружен новый иконостас, в 1904 церковь была покрашена, а вокруг нее сделана новая ограда. В приход Симбуховской церкви, при населении самого села в пять дворов, входило 7 деревень, в общей сложности составлявшие 250 дворов.[310]

С 1910 года симбуховским священником стал Сергей Васильевич Виноградский (1887 – ?).[311] В 30-х старостой был Г. Ф. Сапожников.[312] В марте 1936 года настоятелем церкви в Симбухово стал обновленческий протоиерей А. В. Виноградский (брат Сергея). Но уже на следующий год он был расстрелян в Пензе.[313] С его отъездом Введенская церковь, единственная действующая в Больше-Вьясском районе, была закрыта. Ныне она одиноко стоит на берегу Белого Ключа. Само Симбухово вымерло в 1985-м.[314]

Старая Кутля

В Старой Кутле новое каменное здание **церкви**, так же, как и в Новой Кутле, **Никольской,** было построено в 1813 году. С 1897-го настоятелем храма был Иван Васильевич Прозоров (1869 – после 1924). После окончания семинарии в 1892-м он работал учителем и диаконом в Нижнеломовском уезде, а через пять лет был поставлен священником в Старую Кутлю. Прозоров принимал участие и в общественной жизни: с 1904 года он был законоучителем, с 1907 – членом Благочиннического совета.[315]

В 1924 году Ивану Васильевичу сослужили священник Мефодий Ефимович Боканов и диакон Иван Максимович Ерзов.[316] В 1926-м Боканов остался единственным священником. Родился он в 1892 году в Старой Кутле, в 1910-м после окончания первого класса семинарии стал псаломщиком Богородского-Голицына Саранского уезда. С 1912 года он постоянно посещал миссионерские курсы – в Каменке Нижнеломовского уезда, в Скановом монастыре, Нижнем Новгороде, и получил звание окружного миссионера. В 1915 году Боканов был рукоположен во иереи, в 1917-м направлен в Ишаки Саранского уезда, а через полгода – в Танеевку Мокшанского.[317] С 1921 года Мефодий Ефимович священствовал в

Посопной Пелетьме, какое-то время (до 1929[318]) – в Широкоисе Иссинского района, а затем был перемещен в Кутлю. Здесь в 1929 году его и арестовали. Боканов был приговорен к трем годам ссылки на Соловки.[319]

Вместе с ним в 1926–29 годах служил и был арестован священник Степан Трофимович Кириллов (1884 – ?). Происходил он из поимских крестьян, в 1906-1909-м был послушником в Нижнеломовском Казанском монастыре, затем псаломщиком в Проказне, а с 1912 – в Старой Кутле.[320]

Следующим кутлинским священником был А. П. Угаров, арестованный в 1933 году. Вместе с ним посадили священника Шукши И. Ф. Терехова, уроженца той же Старой Кутли.[321]

К 1936 году церковь была закрыта и передана под клуб.[322] В 1936-м из тысячи с небольшим старокутлинцев 993 высказались за закрытие. На переоборудование храма под клуб колхоз выделил 2000 руб., сельсовет – 4890 руб., но перестройку так и не начали. 12 сентября 1936 года закрытие официально утвердил РИК, 31 января 1937 – областная комиссия по делам культов, 16 апреля – облисполком. И те, и другие в качестве ближайшей действующей церкви предлагали Манторово в одном километре, тогда как на самом деле до Манторова 7 км и церкви там никогда не было.[323]

Храм в Старой Кутле сохранился. Купол и алтарная часть сильно осыпались, на росписях сбиты глаза и лики. Восстановления церкви не предвидится.[324]

Старая Степановка

В Старой Степановке **Вознесенский собор**, один из самых больших и величественных храмов в Лунинском районе, строился в 1890–1909 годах. В 1911-м сгорела колокольня; общая отделка закончена к 1917 году не была.[325]

Священником в это время был Василий Петрович Побединский. А в 1918 году им стал Константин Алексеевич Семенов. Родился он в 1895-м в семье пензенских мещан, с 1913 по 1917-й был псаломщиком в селе Ишаки Саранского уезда, на следующий год – диаконом в Малых Березенках там же. Затем он был переведен в Степановку.[326] При нем 30 марта 1922 г. в пользу голодающих Поволжья был изъят оклад Евангелия. В 1924 году была проведена опись всего имущества, по которой из 5 медных колоколов один значится расколотым.[327] В 1930 году Семенова посадили на 10 лет.

Вознесенский храм закрыли в конце 1933 – начале 1934 года, а к 1936 (или в 1940-м) заняли зерноскладом, который находился в нем до 1968 года.[328] К счастью, собор уцелел – не были сброшены даже кресты, только один из них упал и обнаружен был среди металлолома в соседнем селе Иссинского района.

21 октября 1994 года прошло приходское собрание, на котором присутствовавшие 70 человек приняли гражданский устав прихода. По инициативе уроженцев соседней Тепловки Геннадия Ивановича Евстифеева и Марии Ивановны Петровой началось возрождение храма. Средства собирались также с земляков. Так, Александр Васильевич Гурьев, родившийся в Танеевке, пожертвовал пять тонн оцинкованного листа для восстановления кровли.[329]

На Вознесение 1995 года архиепископ Серафим уже совершил здесь первую литургию, а с февраля 1996-го постоянно проходят службы. По воскресным дням на них собираются около сотни прихожан.[330]

25 мая 1999 года настоятелем храма был назначен выпускник Московской Духовной семинарии Георгий Добролюбов, рукоположенный во священники в марте того же года и служивший перед этим в Вознесенском соборе Кузнецка.[331] Отец Георгий – известный и уважаемый в округе человек, его статьи появляются в “Пензенских епархиальных ведомостях”, “Вестнике – Наша Пенза” и районной “Сурской правде”, а в середине 2003 года его стараниями был издан буклет о степановском храме.

В начале XIX века (?) на **святом источнике** в Степановке явилась Троеручица – одна из наиболее чтимых икон Лунинской земли. На этом месте была построена часовня. Правда, сейчас ничего, кроме источника, не сохранилось.[332]

Суворово

Церковь Владимирской иконы Божией Матери в Маровке (Суворово) была построена в 1791–1793 годах на средства генералиссимуса А. В. Суворова. Она несколько раз перестраивалась – был устроен придел Николая Чудотворца, трапезная. Священником здесь к революции стал Иван Николаевич Алмазов.[333]

По новому территориальному делению в 1928 году Суворово отошло к Мокшанскому району, поэтому развивалось в отрыве от основной массы лунинских сел.

21 апреля 1931 года сообщалось, что в Суворовском сельсовете “на 1 марта состоит 5 религиозных общин, 2 православные общины с двумя церквями и старообрядческая община с молитвенным зданием. Молитвенное здание в марте месяце с. г. Мокшанским райфо закрыто за неуплату налогов”.[334] Поясним, что в Суворовский сельсовет в то время входили, по всей видимости, Суворово, Белогорка (здесь вторая церковь и раскольники), а также деревни Грачевка, Шехмаметьево и Малая Маровка.

На собрании сельхозартели 6 июля 1931 года было предложено устроить

во Владимирской церкви склад. 30 августа Мокшанский РИК отдал им трапезную. Верующие просили разрешить им собрание (9 августа) по этому поводу, но от их воли все равно ничего не зависело.[335]

Не столь давно предполагалось отреставрировать чудом уцелевшую Владимирскую церковь, включив ее в единый мемориальный комплекс вместе с памятником полководцу. Но дальше слов дело так и не пошло.[336]

Танеевка

Деревянная **Владимирская церковь** в Танеевке (Дубасово) была построена в 1858 году.[337] 17 октября 1917 года ее настоятелем стал Мефодий Ефимович Боканов (1892 – ?). Пробыл он здесь не долго, до 1921-го, а арестовали его в 1929-м в Старой Кутле.

На место Боканова пришел Константин Алексеевич Семенов (1895 – после 1931). С 1918 года он был священником соседней Старой Степановки, а в Танеевке служил только временно. Однако это не помешало властям объединить их вместе с церковным старостой Степаном Ивановичем Зориным (1877 – ?) и председателем церковного совета Макаром Павловичем Курдиным (1878 – ?) в одну “контрреволюционную организацию”. В 1930 году их арестовали, а в январе 1931-го К.А. Семенова приговорили к 10 годам, Зорина к трем, Курдина к одному году.[338] Псаломщику Якову Никитичу Мещерякову (ум. после 1924)[339] ареста удалось избежать.

Учитывая, что церковь в Танеевке уже фактически не работала, а жалоб на это не было, 9 февраля 1930 года окрисполком сообщал, что не возражает против ее закрытия. В январе 1931 года материалы на закрытие церкви поступили в крайисполком.[340]

Тепловка

В селе Тепловке каменная **Троицкая церковь** построена была еще в 1793 году и за век своего существования сильно обветшала, постоянно требовала капитального ремонта, периодически даже закрывалась (тогда село входило в приход соседней Старой Степановки). В 1915 году тепловцы решили построить новый храм. К 24 апреля было собрано на эти цели 570 руб., но таким планам не суждено было осуществиться.[341]

По описи 1924 года на колокольне помещалось 5 колоколов общим весом 2263 кг.[342]

В 1924 – 1929 гг. настоятелем храма Алексей Андреевич Новгородский (его арестуют в 1937-м в Лунино)[343], а после него, в 1929 – 1933 – Григорий Федорович Шахов, арестованный в том же 1933 году в Иванырсе.[344]

В 1934 году церковь уже не работала[345], в 1936-м была занята зерном

колхоза. О ней и Степановской церкви сообщалось: “Икон и ризов и т. далее в церьквях не имеется”.[346] Сейчас от Тепловского храма ничего не осталось.

В Тепловке находится **часовня**, построенная недавно над святым источником на средства А.П. Захарова. Когда-то (в начале века?) в водах родника являлись кресты и образ Серафима Саровского, а влага вспыхивала огнем от недостойного прикосновения.[347]

Тоузаково

В Тоузаково деревянная **церковь во имя Живоначальной Троицы** была построена в 1796 году. Перед революцией здесь служил Михаил Иванович Диженов[348], а в 1917 году настоятелем стал Петр Иванович Попов (1871 – 1938), впоследствии расстрелянный.[349] Диаконом при нем в конце 10-х – начале 20-х был Алексей Павлович Тихомиров, будущий мерлинский священник, а псаломщиком в 1924 году – Михаил Игнатьевич Тарасов.[350]

Тоузаковскую церковь закрыли к 1934 году. В 1936-м здесь был почтовый пункт, в 1937 – склад.[351] Храм не сохранился.[352]

В приходской деревне Сытинке в 1915 году была деревянная **часовня**. Дальнейшая ее судьба не известна.[353]

Трескино

В 1881 году в селе Трескино, располагавшемся некогда между Александрией и Старой Степановкой, была построена деревянная **Казанская церковь**. К 1915-му году в Трескино было целых 94 двора[354], но и тогда все глобальные события, происходившие в окрестностях, протекали здесь тихо и мирно.

Как и в остальных селах, в 1924 году Казанская церковь была описана. По описи она значится двухглавой, на колокольне – 6 медных колоколов общим весом 2.5 тонны.[355]

Летом 1930 года через адмотдел Пензенского окрисполкома проходило дело о закрытии Трескинской церкви.[356] Как писалось в 1936-м, она “не работает, на основании постановления самих граждан, на что имеем подписные листы о закрытии церкви. Подписка проведена в период декабря месяца 1932 г. с начала 1933 г.”.[357]

Сейчас нет уже не только Казанской церкви, но и собственно села Трескино.

Чертеим

Церковь-школа Сергия Радонежского в деревне Чертеим была построена в 1892–1893 годах усердием проказнинского священника П.М. Снегирева[358] и была приписной сначала к Проказне, а потом к Иванырсу.

В первые же годы советской власти, когда оказалось, что церковь и школа – понятия несовместимые, храм был закрыт, а школа переведена в национализированный дом священника.[359] Службы и до революции совершались здесь нерегулярно, но окончательно церковь закрыли в 1931 году, передав ее снова под школу.[360]

Через некоторое время купола и колокольня были снесены. В войну здесь размещались солдаты, затем был склад.

Вскоре чертеимское население начало редеть, необходимость в школе отпала. Снесли здание в начале 80-х.[361]

Чирково

Последняя церковь, построенная до революции в Лунинском районе, – Чирковская. **Храм во имя Иоанна Предтечи** был заложен в 1912-м, а освящен 27 августа 1917 года.[362] Это был каменный пятиглавый собор с колокольней, на которой помещалось 6 колоколов весом почти 2.5 тонны.[363] Сохранилась к тому времени и старая деревянная церковь 1779 года постройки[364] (ее сломали около 1920-го).

Строительство происходило при священнике Андрее Даниловиче Тарасове. Возможно, именно из-за уважения чирковцев к нему здесь произошел уникальный случай: из 33-х десятин, отобранных в 1917 году церковной земли, “4 десятины дается священнику, а 1 десятина диакону и псаломщику”.[365]

С 1930 года церковь уже бездействовала. Колокола были сняты.[366] В 1934 году здесь “временно” располагалось зернохранилище.[367] Закрыть официально храм решили только в 1937-м.[368]

5 мая 1937 года зав. клубом С. А. Винчугов (1911 – ?) предложил закрыть церковь и перестроить ее под клуб. Был составлен план переоборудования: в алтаре предполагалось сделать фойе, у Царских врат – кинобудку, в четверике – зрительный зал, в притворе – сцену. К 11 июня храм уже закрыли. В то время население Чирково считалось в 775 человек, из них – 408 высказались за закрытие, 128 – числилось выбывшими, а 167 – не отреклись от того, что они верующие. Всего же за закрытие было собрано 465 подписей, основную массу среди них, как и в других селениях, составили чирковцы 1918-1923 годов рождения (14-19 лет).[369] 26 ноября 1937 года облисполком утвердил закрытие.[370] Но буквально через несколько лет

чирковский “клуб” сгорел: как говорили верующие чирковцы, не допустил Господь такого святотатства.[371]

Шукша

Каменная **Архангельская церковь** Шукши была построена в 1832 году. Немало усилий на ее благоустройство положил священник Сергей Андреевич Нечаев (1864 – после 1929). В 1900 году по его инициативе была построена каменная трапезная и колокольня.

По окончании семинарии в 1884-м Сергей Андреевич два года служил псаломщиком в пензенской Введенской церкви, затем был экономом и диаконом в Пензенском духовном училище, с 1892 – законоучителем Пензенской воскресной женской школы, а с 1895 – шукшинским священником.[372] Его брат, диакон М.А. Нечаев, был делегатом на Поместном Соборе 1917-18 гг.[373]

При Нечаеве в 1918 году были отобраны копии с метрических книг и исповедные росписи с 1824 года. Как могли практически применяться эти исторические документы исполкомом, неясно; они не сохранились.[374]

В 1924 году Сергею Андреевичу сослужил псаломщик Николай Петрович Пановский[375], а в 1929-м священника арестовали. На первый раз он был просто лишен на три года права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и Одессе (сомневаюсь, чтобы он туда собрался переезжать).

Следующим настоятелем Архангельской церкви был Иван Федорович Терехов (1904 – после 1933), уроженец Старой Кутли. В 20-х годах он был псаломщиком, а в 1929-м стал священником Старых Турдаков Кучкуровского района Мордовии. В январе 1933 года Терехов перешел в Шукшу, а 29 марта был арестован за антисоветскую агитацию – Иван Федорович публично осудил гонения на Церковь, за что и был приговорен к восьми годам лагерей.[376]

В 1934-36 годах Архангельская церковь официально закрыта не была, но занималась зернохранилищем, а 26 ноября 1937 года постановление облисполкома узаконило ее закрытие.[377]

За время бездействия храм в Шукше постепенно разрушался. В 60-х годах его пытались снести, растягивая цепами тракторов, закрепленными за проемы дверей и окон. Основание было покорежено, но церковь выстояла.[378]

В 70-х еще был цел центральный купол и даже крест на нем. Ныне он рухнул, а главка колокольни брошена возле храма.[379]

Разверзлись с треском небеса,
И с визгом ринулись оттуда,
Срубая головы церквям

И славя красного царя,
Новоявленные иуды.

Юдино

Каменная **Покровская церковь** села Юдино была построена в 1775 году, а в 1903-м к ней пристроили деревянную звонницу.[380] В 1915 году Юдинским священником был Евлампий Михайлович Перовский, родившийся в октябре 1871 года в селе Свинуха (Подгорное) Мокшанского уезда.[381]

1. В 1918-м в одной из первых церквей нынешнего Лунинского района в Юдинской было описано церковное имущество[382], "метрические книги предписанием Степановского волостного Совета крестьянских депутатов 30.11.1918 г. сданы 7 января 1919 г. в Юдинский сельсовет".[383] В 1922-м году, во время голода в Поволжье, здесь были изъяты серебряный подсвечник, ковчег и наперсный крест. В 1924 году имущество было вновь описано (видимо, по сравнению с окрестными селами, оно заключало что-то особо ценное). Священником в Юдино в то время был Николай Иванович Любимов, а диаконом – Федор Георгиевич Херувимов.[384]

С осени 1936 года в церкви был склад[385], но и в мае следующего года она продолжала числиться действующей.[386]

Ныне Покровского храма не существует.

Часть III.
Приложения

Заключительная часть “Церкви без крестов” – приложения – включает в себя материалы дополнительные, но относящиеся непосредственно к общему повествованию и, безусловно, рассматриваемые как часть его. Здесь приводятся жизнеописания троих убиенных за Христа – последнего настоятеля Вьясской пустыни и Казачьепелетьминской церкви схиархимандрита Викентия (Титова); уроженца Родников, настоятеля храма в Тоузаково священника Петра Иоанновича Попова; уроженца Белого Ключа, обновленческого кафедрального протоиерея Алексия Васильевича Виноградского.

Необходимость включения последнего следует обосновать особо. Его дореволюционная биография – пример истинного служения Церкви, но, к сожалению, в 20-х он каким-то образом оказался в рядах обновленцев. Что скрывалось за этим переходом, мы не знаем; возможно, и крайняя “худость средств”, на которую Виноградский ссылался, возможно, другие обстоятельства. В любом случае, судить его лишь на основании имеющихся сведений мы не вправе. Его биография нужна и для того, чтобы показать: в обновленчестве были не одни отщепенцы, но и люди, снискавшие уважение и почет.

Завершает приложения “Сказание о добром разбойнике”. Его помещение сюда первоначально не предполагалось. Но в связи с тем, что “Сказание” – интересный образец фольклора, не встречавшийся ранее в печати, возможно, нигде не зафиксированный, и во многом отражает своеобразное понимание лунинскими крестьянами Священного Писания, считаем вполне уместным поместить его в заключение всей “Церкви без крестов”.

Но сразу надо сделать оговорку. Содержание его отчасти апокрифично, а мораль противоречит Евангельскому смыслу. Суть рассказа евангелиста Луки состоит в том, что даже последний разбойник, если искренне раскается, может войти в Царствие Небесное; это дает и нам, грешным, надежду на милость Господню. А из “Сказания” следует, что разбойник, распятый со Христом, пострадал совершенно невинно, и потому-то и был прощен. Нечего и говорить, что такая трактовка Писания недопустима и ошибочна. Это необходимо иметь в виду при чтении “Сказания о добром разбойнике”.

И дам вам пастырей по сердцу
Моему, которые будут пасти вас
со знанием и благоразумием
Иер. 3, 15

Схиархимандрит Викентий (Титов)

Герасим Мартынович Титов, как звали в миру Высокопреподобного Викентия, родился, по разным сведениям, в 1872, 1873, 1876 или 20 июля 1877 года в селе Старая Студеновка Сердобской волости и уезда (ныне того же района) в крестьянской семье и образования никакого не получил. В 1891 года, в отроческом возрасте, он пришел во Вьясскую пустынь, а 5 августа 1896 года был принят в число монастырских послушников. 24 мая 1901-го Герасим стал казначеем, но утвержден в этой должности был лишь в 1904 году.

7 октября 1901 года Титов был пострижен в монашество с именем Геронтий, а уже в апреле 1902-го рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Геронтий продолжал служить в новом качестве, через три года был награжден набедренником, а в 1908-м “для пользы службы” его перевели в Наровчатский Троице-Сканов монастырь. Через год последовало перемещение в Нижнеломовский Казанский, а в 1910 г. Геронтий стал экономом Пензенского Архиерейского дома.

Здесь он проявил себя с лучшей стороны. В 1912 году епархиальным начальством ему были выражены признательность и благодарность “за умелое ведение торговых операций, способствовавшее к повышению доходности Архиерейского дома”, а через год – признательность “за образцовое ведение хозяйства по Архиерейскому дому при редкой практичности и предприимчивости, поставивших на небывалую высоту доходность Архиерейского дома”. Кроме того, в том же 1912 году иеромонаха Геронтия наградили наперсным крестом Синода (думается, по этому поводу и была сделана фотография, приложенная позже к его уголовному делу), в 1913 – крестом и медалью в честь 300-летия Дома Романовых.

13 января 1913 года Геронтий был назначен настоятелем Вьясского монастыря, а 14 января возведен в сан игумена.[387] Что же заставило епархиальное начальство переместить столь успешно возглавляющего экономию архиерейского дома иеромонаха? Хозяйство, а особенно духовно-нравственное состояние обители оставляло желать лучшего. После смерти в конце 1907 года игумена Савватия на поминальной трапезе монахи напились и передрались, а один инок был убит. Привести насельников в порядок ни временному настоятелю иеромонаху Макарию, ни игумену Варсонофию, подавшему в отставку в декабре 1912-го, не удалось.[388] Поэтому и пришлось поставить сюда более деятельного и уже знакомого с

монастырем человека.

В бытность игуменом Геронтий получил от епископа Митрофана, при котором и стал экономом, архипастырское благословение “за усердные, благоплодные труды по экономии Архиерейского дома”. В монастыре же новому настоятелю удалось если и не окончательно привести все в порядок, то, по крайней мере, наладить управление – в ноябре 1914 года Геронтий уже стал благочинным монастырей Городищенского, Кранослободского и Саранского уездов.[389]

Монастыри официально были закрыты уже в 1918 году. Но настоятель Вьясской пустыни не просто не опустил руки от такого поворота событий, но и сумел наладить монастырскую жизнь в новых условиях. При изъятии в апреле 1922 года церковных ценностей ему удалось отстоять и даже вернуть большую часть из них; в марте 1923 года стараниями о. Геронтия из братии было организовано сельскохозяйственное товарищество, в которое вошли 19 из 28 насельников пустыни (остальные были нетрудоспособными). В августе настоятелю пришлось отвечать на запросы Саранского ГПУ; сделал он это так, чтобы, по сути, ничего не сообщая, не попасть под подозрение в “сопротивление властям”. Примерно в это же время, между 1915 и 1923 гг., игумен Геронтий был возведен в сан архимандрита – первым из предстоятелей пустыни за ее двухсотлетнюю историю. Но когда власти Саранского уезда взяли курс на полное уничтожение монашеского жития, Вьясскому монастырю уцелеть не удалось. В 1925 году он был разогнан. Не логичным ли покажется для игумена, утратившего предмет своего попечения, принятие великой схимы? Итак, со второй половины 20-х вместо архимандрита Геронтия перед нами схиархимандрит Викентий.[390]

Но уйти с принятием схимы в затвор Геронтию – Викентию не пришлось. После разгона пустыни он стал в 1925 году настоятелем церкви в Казачьей Пелетьме, а в 1930 году перешел в Белый Ключ. Здесь 25 апреля 1932 года Викентий был первый раз арестован. Осудили его к высылке на три года в Северный край. Срок этот был в общем-то небольшой, но за это время власти успели закрыть церкви и в Белом Ключе, и в Казачьей Пелетьме. Поэтому, когда Викентий вернулся из ссылки в Казачью Пелетьму, он мог служить уже только частно.

Второй раз схиархимандрита забрали 17 декабря 1937 года. Через 12 дней он был уже осужден, а 21 марта 1938 года расстрелян.[391]

Священник Петр Иоаннович Попов

П. И. Попов родился в Родниках 7 июня 1871 года.[392] Отец его, Иван Осипович (1842 – ок. 1930), происходил из семьи псаломщика Шукши. В 1863 году он женился на Феоне Осиповне Львовой, дочери родниковского диакона, и стал псаломщиком.[393]

Старший сын Ивана Осиповича, Василий, родившийся в 1866-м, не прожил и десяти лет.[394] Были у Петра Ивановича и младшие братья и сестры: Екатерина (1872), Ольга (1875), Елена (1877), Клавдия (1878) и Александр (1880).[395]

В 1881 году Петр Попов поступил в подготовительный класс Пензенского духовного училища. Учился он посредственно, среди оценок большинство – удовлетворительные. Особенно тяжело давались Петру русский и латинский языки, курсы же священной истории, арифметики, чистописания и нотного пения он вполне усваивал.[396] Но в декабре 1883 года из второго класса училища Попов был исключен и указом Пензенской духовной консистории отправлен во Вьясскую пустынь “для изучения причетнических предметов”.[397]

Здесь он и находился по крайней мере до 1888-го, а 10 января 1889 года был посвящен в стихарь и направлен псаломщиком в Кологривовку Мокшанского уезда, которая некогда располагалось между Еланкой, Кугушевкой, Сергеевкой и Пыркиным. Здесь он два года, 1891–1892, безвозмездно учительствовал в школе грамоты.

Петр Иванович зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и 30 августа 1897 года был рукоположен во диаконы к Покровской церкви Рузаевки, относившейся в то время к Инсарскому уезду, а определен он был на это место еще 7 марта. Ровно через пять лет, 7 марта 1902 года, Попов стал законоучителем церковно-приходской школы в Юрьевке (она располагалась верстах в пяти от Рузаевке, а недавно слилась с ней[398]), а через два года в I и II Рузаевских приходских школах. Тогда же, в 1904 году, Петр Иванович женился, а 20 июня у него родилась дочь Лидия. В том же году он был удостоен архипастырского благословения “за полезные и усердные труды по школе”.

23 февраля 1909 года Попов, “выдержав испытания в знание наук средней школы”, был назначен настоятелем Покровской церкви с. Татарская Лака Керенского уезда (ныне Вадинский район), а 1 марта рукоположен во иереи. Ко дню Святой Пасхи 1914 года “за отличное служение Церкви Божией” Петр Попов был награжден набедренником.

15 марта 1917 года (думается, по его же просьбе) Петр Иванович был переведен настоятелем к Троицкой церкви Тоузаково Мокшанского уезда, поближе к родным местам, а с 1 сентября стал законоучителем земских школ Тоузаково и соседней деревни Сытинки.[399] Уже через полгода законоучительство Попов вынужден был оставить, а в должности настоятеля тоузаковского храма он последний раз упоминается 10 апреля 1924 года.[400]

Путь его в 20-30-х годах затерялся. Когда Попов перешел на следующее место службы – в Никольскую церковь Малой Садовки Литвиновского (Сосновоборского) района, неизвестно; думается, было это после 1928 г.[401]

В 1937 году он был здесь арестован, а 19 декабря решением тройки НКВД по обвинению в антисоветской агитации приговорен к высшей мере наказания и 24 января 1938 года расстрелян в Куйбышеве (Самаре). [402]

В 1961 году родственники Петра Ивановича добились его реабилитации. Кто-то из них еще до недавнего времени жил в Рузаевке[403], а его сестра Клавдия Ивановна до самой смерти в 70-х годах – в Родниках.[404]

Протоиерей Алексий Васильевич Виноградский

А. В. Виноградский родился 10 марта 1870 года в Белом Ключе в семье священника. Эту дату и место рождения он указывал сам во всех своих автобиографиях, да и позже старался служить поближе к родным местам. Но в Белом Ключе священника Виноградского никогда не было. Как совместить эти расхождения, – неясно.[405]

В 1891 году Виноградский окончил Пензенскую духовную семинарию и поступил учителем подготовительных классов в Тихоновское духовное училище. Через три года он стал делопроизводителем и членом училищного правления, а в 1895 – священником училищной церкви.

До 1900 года Алексей Васильевич состоял членом правления, а резолюцией от 18 апреля 1901 года был назначен вторым священником Спасского собора Саранска и тогда же стал наблюдателем церковно-приходских школ Саранского уезда.

В следующем году он был утвержден духовным следователем по городу Саранску, еще через год – городским цензором проповедей, в 1904 – членом уездного Благочиннического совета, в 1914 – епархиального.

Занимался Алексей Васильевич и общественной деятельностью – в 1905 году он был членом уездного комитета по призрению семейств низших чинов, призванных на русско-японскую войну; и преподавательской работой – в 1910-м он стал законоучителем в младших классах Саранской женской гимназии.

Разумеется, за годы служения А. В. Виноградский удостоился многих наград, среди которых – набедренник (1896), медаль в память царствования Александра III (1897), скуфья (1899), грамоты с благословением Синода (1904, 1912, 1914), камилавка (1906), серебряная медаль в память 25-летия церковных школ (1909), Библия от Синода “за особые труды, усердие и ревность по благоустройству местных церковных школ” (1909), бронзовая медаль в память 300-летия Дома Романовых (1913), наперсный крест (1913), а также благодарности и признательности епархиального начальства: в 1902 – за труды и участие в религиозно-нравственных чтениях при Спасском соборе, в 1904 – за усердие к делу проповеди церковной и труды по цензуре проповедей, в 1910 – за отлично-усердное исполнение наблюдательских своих обязанностей (по школам Саранского уезда).[406]

После революции жизненный путь Алексея Васильевича очень запутан. В Саранске ли он служил в 20-х, в Пензе ли – неизвестно. В 1928 году среди пензенской обновленческой верхушки его еще вроде бы нет[407]; а к 21 марта 1931-го он уже обновленческий протоиерей, член епархиального управления и живет в Пензе, по ул. Боевая Гора, 17-2.[408] Как кафедральный протоиерей – настоятель Успенского собора он регистрируется 1 января 1935 года.[409] Позднейшие документы фиксируют его то настоятелем, то ключарем собора.

Одновременно с этим Виноградский в 30-х служит в сельских приходах. К 1935 году он стал священником в Нечаевке (ныне Никольского района), а 31 марта 1936-го писал заявление в крайисполком о переводе в Симбухово: “В виду крайней худости средств, приносимых верующими в храм, что заставляет меня испытывать большую материальную нужду. Семья моя состоит из семи душ, а потому покорнейше прошу Большой Вьяс (общий отдел) о переводе меня в Введенскую церковь религиозной общины с. Симбухово, зарегистрировать для служения, свершения треб верующих общины”. Т.е., по сути, от райисполкома требовалась регистрация и разрешение на проведение служб, что он и выдал, перед этим начертав на заявлении Виноградского: “Сообщи этому вору, что райисполком ведь не епископ, кадрами попов не ведает и приходы не распределяет”.[410]

Но и в Симбухово пробыл Виноградский недолго. В конце 37-го весь клир Успенского собора во главе с архиепископом Сергием арестовали. 19 декабря Алексей Васильевич Виноградский был приговорен к расстрелу.[411]

“Сказание о добром разбойнике”

“...Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: “если Ты Христос, спаси себя и нас”. Другой же, напротив, унимал его и говорил: “или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал”. И сказал Иисусу: “помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое!” И сказал ему Иисус: “истинно говорю тебе: нынче же будешь со Мною в раю” (Лк. 23, 32-33, 39-43).

Этот отрывок из Евангелия и послужил основой к народному сказанию о добром разбойнике. Его рассказала нам 27 июня 2002 года 93-летняя жительница Гольцовки Матрена Дмитриевна Степанова. По ее словам, в соседних Родниках была при церкви когда-то большая библиотека. Мать Матрены Дмитриевны часто брала в ней разные книги, а потом пересказывала их дочери. В одной из них был такой рассказ.

В старые времена жил-был разбойник по имени Дум*а*х. Леса в то время были большие, дремучие. В них он грабил мирных путников. Однажды Думаха поймали и повели в Ерусалим к начальнику Каи*а*фе. Тот велел наказать его двадцатью розгами. Думах обиделся и решил отомстить Каиафе.

Жена у него была добрая женщина, но жила с разбойником. Детей у них не было, а у Каиафы был двухлетний сын по имени Тит. Думах его выкрал, оставил у себя и стал его воспитывать как своего сына.

А Каиафа с женой, конечно, очень огорчились, стали спрашивать слуг, как же те проглядели. А слуги веночек хотели Титу из цветочков сплести и ничего не заметили. Погоревал Каиафа, но поделать ничего не мог.

А у Думаха родился вскоре свой сын, Степан. Тита и Степана воспитывали вместе, они и думали, что они родные братья. Потом Тит вырос, стал сильным и красивым. Мать ему как-то и говорит: “Отец-то наш разбойник, вдруг про это люди узнают, надо нам от него бежать”.

Тит и Степан ездили в Ерусалим продавать рыбу. Ездили на ишачках – ведь железных дорог-то в то время не было. Как-то Степан приходит и говорит Титу: “Там какой-то барин ищет себе садовника. Вот бы тебе наняться”. Тит пошел, барину он понравился, и тот его к себе взял. А Степану говорит: “Возьми деньги и ступай к матери, а я, когда устроюсь, вас к себе возьму”.

Степан поехал лесом, а там его отец остановил и начал деньги требовать. А Степан не отдает. Тогда он его к дереву привязал и начал бить, говорит: “Знаю, вы рыбу ездили продавать, деньги должны быть”, а Степан кричать начал. А в это время ехали по лесу Тит с барином. Тит услыхал крик, говорит: “Останови, пойду погляжу, что там”. А барин говорит: “Что ты, это разбойники, они тебя убьют”. Тит сказал: “Ничего, не убьют” (он сильный был), и пошел. Глядит – отец его Степана бьет. Он тогда взял камень побольше, кинул в отца, тот и упал.

Работает Тит у барина. А жена у того была сестрой жены Каиафы, то есть теткой его на самом деле. Сидят как-то они с Титом, а дочка барина бегает и говорит: “Мама, посмотри, как Тит на дядю Каиафу (то есть на отца своего!) похож”, а мать ей отвечает: “Не мешай разговору”. Так она три раза говорила, но всё от нее отмахивались.

Послал как-то барин Тита по делам. Ехал Тит лесом, ишачка остановил – знает, он никуда не уйдет. Прилег, откинулся на спину и уснул. А проснулся, глаза открыл, смотрит – над ним отец стоит. Он спрашивает: “Разве я тебя тогда не убил?” А отец на него с ножом. Остальные разбойники ему говорят: “Что же ты, сына своего убить хочешь?” А он отвечает: “Какой он мне сын?” и рассказал, как его у Каиафы украл. Забрали тогда разбойники ишачка, повозку и деньги, которые у Тита были, себе, и самого его к себе взяли.

А ночью пошли они церковь грабить. Но заметили их, часть схватили, часть изранили, а кто-то убежал. Тита тогда ранили сильно, крови он много

потерял, иззяб весь. Видит – огонек, а это был дом Каиафы. Он туда пополз, а его заметили и говорят: “Он, наверно, из тех разбойников, которых сегодня поймали” и схватили его.

И случилось так, что Думаха распяли по левую руку от Спасителя, а Тита по правую. Тит и был прощен, потому что на самом деле он разбойником не был.

февраль – август 2002;
редакция 17-20 октября 2003;
последняя редакция 10-12 марта 2004

Примечания

Часть I

1. Святейший Патриарх Алексий. Предисловие //Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн.1. М., 1994, с. 7-8.
2. Статистические сведения о дореволюционном состоянии вычислены по: Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО), ф.182, оп.1, дд.2639, 2693, 2699, 2704; ф.5, оп.1, д.5345 (об усыпальницах); Дворжанский А.И. Список клириков и мирян Русской Православной Церкви по Пензенской области, расстрелянных в годы массовых политических репрессий. П., 1989 (далее – Список…). Современное состояние дается в основном по наблюдениям автора.
3. Трубецкой Е.Н., кн. Смысл жизни. Гл.VII – Всемирная катастрофа и всемирный смысл, ч.1 – Вопрос о смысле жизни и катастрофа современной культуры. //Русские философы. Антология. М., 1994, с.349.
4. VI Канон Собора 1928 г. //Осипова И.И. “Сквозь огнь мучений и воды слез…” Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998, с.18.
5. Из “Впечатления о посещении Совета рабочих и солдатских депутатов 14 января 1918 г.” //Там же, с.140.
6. Орехов Д. Русские святые XX столетия. Спб., 2001, с.43. Особенно трагично, что в убийстве первого мученика-архиерея принимали участие монахи Киево-Печерской лавры.
7. Пензенские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ), 2000, №1, с.31.
8. Закон Божий. Пятая книга о Православной вере. М., 1991, с.19-22, 64, 68, 79-80.
9. Там же, с.274-276.
10. Тюстин А.В. Казанская церковь села Ломовки Пензенской губернии и ее причт //ПЕВ, 1999, №1, с.104.
11. Мануйлова Е.В. Иванырсовский Чудов мужской монастырь //Пензенская энциклопедия. М., 2001 (далее – ПЭ), с.209.
12. Белохвостиков Е.П. Трубетчина //Сурская правда, 2002, 26 апреля. См. также ГАПО, ф. 132, оп.1а, д.5, л.85 и далее.
13. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.688.
14. Свидетельство В. А. Симонова (Лунино).
15. Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Кн.1: Исторический очерк. П., 1999 (далее – История…), с.171.
16. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2396, 2635, 2699.
17. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.476, 671, 680.
18. Инюшкин Н.М. Левин В.С. //ПЭ, с.296. По другим сведениям, мирское имя Варлаама было Василий Андревич (Пензенские дворяне Левины (краткая родословная схема). Машинопись из собрания Е. Ф. Шкурова) В любом случае, он приходится братом или племянником Федору Андреевичу Левину, основателю Лунинской ветви рода.

19. Деятельность Петра I освещается по “Закону Божию…”, а также по другим источникам, вполне достоверным, но вспомнить которые не представляется возможным.
20. Закон Божий…, с.293.
21. Дворжанский А.И. Пензенский Троицкий женский монастырь //ПЕВ, 1998, №3, с.6.
22. Хвощев А.Л. Несколько дополнительных замечаний к программе историко-статистического описания церквей и приходов епархии: О пензенских монастырях, существующих и упраздненных //ПЕВ, 1902, №13.
23. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. Гл.1: Поп. //Избранные произведения. М., 1985, с.244-245.
24. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1935, с.3.
25. Подробнее см.: Иванов Н.П. История Путятинской смуты //ПЕВ, 1998, №6 и далее.
26. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
27. Там же.
28. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.248 “б”.
29. ГАПО, ф.р-202, оп.1, дд.305, 307.
30. Фонд Саранского уисполкома передан в ГАРМ, Городищенский содержит лишь семь дел, в которых ничего нас интересующего нет.
31. ГАПО, ф.182, оп.4, д.521.
32. Лебедев М.А. Очерк по истории Пензенской епархии //ГАПО, ф.р-2378, оп.1, д.420.
33. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
34. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
35. Там же; “Саранские епархиальные ведомости”, 2003, №5, с.49.
36. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.305, л.115 и 307.
37. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.245, 247, 306, 307.
38. Сведения из архива УФСБ по Пензенской области, предоставленные мне Церковно-историческим комитетом Пензенской епархии (председатель А. И. Дворжанский), далее – Сведения Церковно-исторического комитета. Вычисления приблизительны.
39. Лебедев М.А. Указ. соч.
40. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95, 97, 141, 173; ф.р-2090, оп.1, д.61.
41. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
42. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
43. Сведения Церковно-исторического комитета; см. также “Список…”
44. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.170.
45. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.462, л.155.
46. Краткое жизнеописание прозорливого старца Иоанна Оленевского. Спб., 1996, с.5.

47. Сведения Церковно-исторического комитета.
48. Дворжанский А.И. История…, с.347.
49. Там же, с.353.
50. Там же, с.426.
51. Там же, с.439.
52. Лунинская коммуна, 1957 г.
53. Воспоминания В. В. Сюлиной (Пенза). Свидетельствую: нет ни одного и ныне (май 2002, 9 кл.).
54. Дворжанский А.И. История…, с.449.
55. См., к примеру, его “Время собирать камни”, “По Владимирским проселкам” и др.
56. Напр., в Пензе этим занималась группа по подготовке Свода памятников истории и культуры.
57. Орехов Д. Указ. соч., с.149.

Часть II

58. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639.
59. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.28.
60. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
61. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.334.
62. ГАПО, ф.р-1201. Оп.2, д.6.
63. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
64. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.336об.; ф.р-202, оп.1, д.307.
65. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.28.
66. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2668; сын его Василий (род. 22.03.1883) с 1914 г. был псаломщиком в с. Павло-Куракино Городищенского у.
67. Подробнее о Викентии (Титове) см. Приложение 1.
68. Сведения Церковно-исторического комитета.
69. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
70. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.8.
71. Гавриленко Н.Н. Путь к храму. Из истории Лунинских церквей (альбом из лунинского ЦДТ).
72. Возможно, не совсем достоверно; воспоминания В.С. Сюлина (Пенза) и др.
73. В указанном альбоме Н.Н. Гавриленко.
74. ГАПО, ф.132, оп.1а, д.5, л.270.
75. Старосивильский С.С. Село Белый Ключ, Саранского уезда //ПЕВ, 1887, №17.
76. Воспоминания В. С. Сюлина.
77. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.407.
78. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247
79. Там же.
80. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.52.

81. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209; ф.р-515, оп.1, д.141.
82. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.52. В Болотниково также есть источник, почитаемый святым.
83. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.680.
84. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
85. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
86. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
87. Воспоминания П. Данилина (Б. Левино).
88. Дворжанский А.И. История…, с.341.
89. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
90. Воспоминания П. И. Жиркиной (Б. Левино).
91. Воспоминания Е. Ф. Шкурова (Пенза) (из машинописи “Любопытные эпизоды из истории села Большое Левино Кутлинской волости Мокшанского уезда (ныне Лунинского района Пензенской области)”, П., 1985, с.2-3).
92. Свидетельство некоей жительницы с. Б. Левино, уроженки Чиркова.
93. ГАПО, ф.182, оп.1, д.1271, 2639; ф.р-1201, оп.1, д.28.
94. Воспоминания М. Ю. Периастрова (Лунино).
95. Сведения Церковно-исторического комитета.
96. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
97. Дворжанский А.И. История…, с.347.
98. Там же, с.351.
99. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639.
100. Сведения Церковно-исторического комитета.
101. ПЕВ, 1999, №3, с.42-43.
102. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2693, л.630 и далее.
103. Подробнее о Викентии (Титове) см. Приложение 1.
104. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2693, л.630 и далее.
105. Из истории борьбы с Православием в городе Саранске в первые годы советской власти. Публ. С. Б. Бахмустова, В. И. Лаптуна, вступ. статья и прим. С. Б. Бахмустова. //Саранские епархиальные ведомости, 2003, №5, с.47-50 (здесь ссылка на: ЦГА РМ, ф.58с/р, оп.2, д.23; ф.58р/с-37, оп.2, д.23).
106. Там же, с.53. Бахмустов пишет: “Вскоре было заведено дело на Чуфаровский и Куриловский монастыри, закончившееся их разгоном – Чуфаровского в 1924, а Куриловского в 1926 годах. Тогда же разогнали Ново-Серафимовскую пустынь и Больше-Вьясский монастырь”. Мы же исходим из того, что оба насельника, чья судьба после Вьяса нам известна, вышли из пустыни именно в 1925 г.
107. Государственный архив республики Мордовия (ГАРМ), ф.р-465, оп.1, д.7, л.52.
108. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.28.
109. Макарина Е. История одного храма //Сурская правда, 2001, 16 февраля,

№7.

110. Когда осенью 1998 г. я проезжал по Б. Вьясу, на крыше собора уже стоял центральный барабан и начиналось строительство боковых.
111. ПЕВ, 2002, №2, с.5-19; №3, с.4.
112. При этом я присутствовал, что и свидетельствую.
113. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.432.
114. Подробнее об И. В. Феодоровском см. Лунино.
115. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
116. Воспоминания М. Д. Степановой (Гольцовка).
117. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639.
118. Воспоминания М.Д. Степановой.
119. Сведения Церковно-исторического комитета //Архив УФСБ ПО, д.10134-п.
120. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
121. Там же. Тюрины – крестьянско-купеческая фамилия д. Добролюбовки (ныне часть Родников), в 4-х км от Гольцовки.
122. Воспоминания В. С. Сюлина (Пенза).
123. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
124. Воспоминания некоего жителя Гольцовки (ул. Тургеневка).
125. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
126. Сведения Церковно-исторического комитета.
127. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209; ф.р-515, оп.1, д.141.
128. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
129. Свидетельство В. А. Симонова.
130. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
131. Сведения Церковно-исторического комитета.
132. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
133. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
134. Гавриленко Н.Н. Путь к храму. Из истории Лунинских церквей (альбом из лунинского ЦДТ).
135. Воспоминания А. А. Кузьминой (Иванырс), 1893 г.р. (из “Пути к храму…”).
136. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
137. Воспоминания Д. И. Лямцовой (Иванырс).
138. Сведения Церковно-исторического комитета.
139. Воспоминания Д. И. Лямцовой, М. А. Тарасовой, С. Тарасовой (Иванырс).
140. Дворжанский А.И. История…, с.142.
141. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2167.
142. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2156.
143. Дворжанский А.И. История…, с.222, 227.
144. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639.
145. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.

146. Снимок этот хранится у М. А. Тарасовой в Иванырсе, на Политурке.
147. Воспоминания М. А. Тарасовой.
148. Воспоминания Д. И. Лямцовой.
149. Дворжанский А.И. Список….
150. Воспоминания М. А. Тарасовой.
151. Дядя мужа Д. И. Захаровой-Лямцовой.
152. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209. Это дело почти полностью посвящено Иванырсу; последующие сведения, кроме особо означенных, заимствованы из него.
153. Сведения Церковно-исторического комитета; воспоминания Д. И. Лямцовой.
154. Ее же воспоминания.
155. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.170.
156. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
157. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.171.
158. Воспоминания М.А. Тарасовой.
159. ПЕВ, 1999, №3, с.12.
160. Воспоминания М.А. Тарасовой.
161. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.540; его отец, Михаил Николаевич, был расстрелян в 1929 г. (ПЕВ, 2000, №3-4, с.140).
162. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
163. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306.
164. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
165. Сведения Церковно-исторического комитета.
166. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306.
167. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
168. Подробнее о Викентии (Титове) см. Приложение 1.
169. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.207.
170. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.688.
171. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306.
172. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
173. Биография С.Н. Нестерова написана на основе Сведений Церковно-исторического комитета и ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
174. Захаров В.Л. У святого колодца. П., 2001.
175. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699.
176. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
177. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
178. Сведения Церковно-исторического комитета.
179. Картотека по селам из архивного отдела Лунинской райадминистрации (сост. О.Б. Бочкарева).
180. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639.
181. Сведения Церковно-исторического комитета.
182. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.28.

183. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
184. Сведения Церковно-исторического комитета.
185. Дворжанский А.И. История…, с.351.
186. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.462, л.155.
187. Свидетельство автора 17 октября 1998г.; см. также прим.86.
188. Мартынова Э. Благотворение. //Мир Людей, 1996, 14 ноября. Здесь же приводится рассказ 83-летней бабы Натальи, по которому, когда рушили церковь, на голову колхознику Ваське упал кирпич. Достоверность этого сомнительна, т.к. храм был деревянным. Первым настоятелем церкви стал некий о. Михаил.
189. ПЕВ, 1998, №6, с.12. 29 мая 2001 г. настоятелем храма стал прот. Вячеслав Логинов, а Александр Володин 8 июня был переведен в Пачелму.
190. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699.
191. Винокуров Г.Ф. Войноральский П.И. //ПЭ, с.97.
192. Сведения Церковно-исторического комитета.
193. Белохвостиков Е.П. Лунино и окрестности (рукопись). П., 2001, ч.2, п.4, с.3; см. также: ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.492 об. и далее.
194. Подробнее о В. Ф. Софоклове см. Лунино.
195. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
196. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2700, л.171 об-173.
197. Дворжанский А.И. История…, с.260.
198. Там же, с.310.
199. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306; ф.р-1201, оп.3, д.6.
200. ГАПО, ф.р-1201, оп.2, д.6.
201. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
202. Из письма С.М. Митина автору этих строк от января 2003 г.
203. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
204. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
205. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699.
206. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
207. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
208. Упоминание о смерти К. Кобейна (1994) указывает на то, что сделаны в последнее десятилетие, время “свободы совести и слова”.
209. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.495.
210. Тюстин А.В. Указ. соч., с.112-113.
211. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306.
212. Сведения Церковно-исторического комитета.
213. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
214. Там же.
215. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.1045, л.3.
216. Тюстин А.В. Указ. соч., с.114.
217. Апакина Н. Вера в Добро //Сурская правда, 2001, 12 октября, №41.

218. К августу 2001 г. над ним построено что-то среднее между часовней и беседкой.
219. ГАПО, ф.182, оп.1, д.1980.
220. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.509 и далее.
221. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
222. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.434 и далее.
223. Воспоминания М. Д. Степановой (Гольцовка).
224. ГАПО, ф.р-1201, оп.2, д.6.
225. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
226. Перечень председателей РИКа 1928-1992 гг. (Лунинский райархив), составленный О. Б. Бочкаревой.
227. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
228. Воспоминания В. С. Сюлина.
229. Сурская правда, ок.1998 г.
230. ГАПО, ф.р-1071, оп.1, д.6; Сведения Церковно-исторического комитета.
231. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
232. Сведения Церковно-исторического комитета.
233. Дворжанский А.И. История…, с.376.
234. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.631.
235. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
236. Сведения Церковно-исторического комитета.
237. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
238. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
239. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
240. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
241. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2684.
242. Сведения Церковно-исторического комитета.
243. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
244. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.95.
245. Там же.
246. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.91.
247. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
248. Мои выписки, сделанные в авг. 2001 г. в Лунинской районной библиотеке; видимо, “Сурская правда” за 1998 г.
249. Сурская правда, июль 1998; о планируемом визите Владыки Серафима в Лунино сообщалось и в ПЕВ, 1998, №6.
250. Свидетельство матушки Норкиной.
251. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2344, 2699, л.518-519об.
252. Дворжанский А.И. История…, с.365.
253. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
254. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.305.
255. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2696.

256. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.305.
257. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247, 305.
258. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
259. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
260. Воспоминания М. Ю. Периастрова (Лунино).
261. Свидетельство некоей жительницы Мерлинки, переехавшей сюда именно в 1983 г.
262. По состоянию на 11 мая 2002 г.
263. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.672.
264. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
265. Сведения Церковно-исторического комитета.
266. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.521; по другим сведениям (Н. Н. Гавриленко), церковь в 1894 г. лишь начата постройкой, и не закончена еще к 1917 г.
267. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.522об.
268. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
269. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2701.
270. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
271. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
272. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.52.
273. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639..
274. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.28.
275. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209; ф.р-2090, оп.1, д.61.
276. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.467, 469 об.-470.
277. Дворжанский А.И. История…, с.336.
278. Сведения Церковно-исторического комитета. Подробнее о П. П. Тихове см. Посопную Пелетьму.
279. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
280. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
281. По состоянию на 1998 г.
282. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.544.
283. Сведения Церковно-исторического комитета. Подробнее о М. Е. Боканове см. Старую Кутлю.
284. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
285. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
286. Александров В. Да освятится наша земля церквами и родниками //Сурская правда, 2001, 7 декабря.
287. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.575.
288. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
289. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.305.
290. Воспоминания В. Ф. Макаровой (Родники).
291. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.305.
292. Снимок из альбома В. Ф. Макаровой “Агудины”.

293. Воспоминания В. С. Сюлина (Пенза).
294. Воспоминания К. П. Сиротова (Москва; из письма от 24.12.2001)
295. Воспоминания В. В. Сюлиной (Пенза).
296. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
297. Подробнее о П.И. Попове см. Приложение 3.
298. Воспоминания В. С. Сюлина.
299. Воспоминания В. Ф. Макаровой и др.
300. Белохвостиков Е.П. Софийский спиртзавод. Становление и развитие. П., 2003, с.24.
301. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2693; воспоминания В. Ф. Макаровой (племянницы П. Я. Ежовой).
302. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
303. Воспоминания В. С. Сюлина.
304. Напр., А. С. Трученкова.
305. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.592, и ф.р-202, оп.1, д.247.
306. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
307. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
308. ГАПО, ф.р-514, оп.1, д.65; Сведения Церковно-исторического комитета.
309. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
310. ГАПО, ф., оп.1, д.2639.
311. Там же.
312. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
313. Подробнее об А. В. Виноградском см. Приложение 2.
314. Картотека по селам из архивного отдела Лунинской райадминистрации (сост. О. Б. Бочкарева).
315. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.476 и далее.
316. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.306.
317. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
318. ГАПО, ф.р-1071, оп.1, д.6.
319. Сведения Церковно-исторического комитета.
320. То же.
321. Дворжанский А.И. История…, с.339.
322. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
323. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.23.
324. В Ст. Кутле я был в 1998, проездом – в 2001 г., по этому времени и описываю состояние храма.
325. Добролюбов Г., свящ. Забытые святыни. ПЕВ, 2001, №1-2, с.128-129; ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.600
326. Сведения Церковно-исторического комитета.
327. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
328. Гавриленко Н.Н. Дорога к храму. Из истории лунинских церквей (альбом); ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.

329. Со слов М. П. Аралиной-Петровой.
330. Добролюбов Г. Указ. соч., с.129-130; Сурская правда, 2001 г.
331. ПЕВ, 1999, №2, с.141; №3, с.42, 43; 23.11.2001 Георгий Добролюбов стал священником Покровского собора Пензы, а его место занял Сергий Логинов (ПЕВ, 2001, №4, с.149), С. Логинов 27.12.2001 г. был переведен в земетчинскую Вяземку, а Г. Добролюбов вскоре возвращен.
332. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.601; указ. соч. Г. Добролюбова; Быстров Н.Ф. Историко-статистическое описание села Степановки, Мокшанского уезда //ПЕВ, 1885, №7, с.21-23; Белохвостиков Е.П. Живоносные источники Лунинской земли //ПЕВ, 2002, №3, с.73.
333. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.340 и далее.
334. ГАПО, ф.р-1138, оп.1, д.166.
335. Там же.
336. Свидетельство Валерия из Рамзая.
337. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699.
338. Сведения Церковно-исторического комитета. Подробнее о М. Е. Боканове см. Старую Кутлю.
339. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
340. ГАПО, ф.р-1201, оп.3, д.6, 13, л.43.
341. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2694.
342. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
343. ГАПО, ф.р-1071, оп.1, д.6.
344. Сведения Церковно-исторического комитета.
345. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
346. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
347. Добролюбов Г. Забытые святыни. ПЕВ, 2001, №1-2, с.128-129. Говорят, первоначально роспись часовни была поручена некоему татарину, который и всех святых изобразил себе подобными. Пришлось расписывать все заново.
348. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.118.
349. Подробнее о П. И. Попове см. Приложение 3.
350. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
351. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
352. Троицкая церковь строилась на средства Араповых. Их усадьба здесь и ныне стоит и занята клубом.
353. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.119.
354. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699.
355. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
356. ГАПО, ф.р-1201, оп.2, д.6.
357. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
358. Архивные выписки Б. С. Жукова; см. также ПЕВ, 1893 г.
359. Воспоминания Б. С. Жукова (Пенза).
360. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.

361. Воспоминания Б. С. Жукова.
362. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
363. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
364. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.650.
365. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
366. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.53.
367. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209.
368. Председателем Чирковского сельсовета в это время был Степан Бобков, прославившийся разгромом церкви соседних Липягов. В 1938 г. он был отозван “на районную работу”.
369. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.53.
370. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
371. Свидетельство некоей жительницы с. Б. Левино, уроженки Чиркова.
372. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.662 и далее.
373. Дворжанский А.И. История…, с.260.
374. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
375. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
376. Сведения Церковно-исторического комитета.
377. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.209; ф.р-515, оп.1, д.141.
378. Воспоминания В. А. Симонова (Лунино).
379. Свидетельство автора окт. 2001 г.; ср. фотографии.
380. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2699, л.671.
381. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2155.
382. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
383. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
384. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.247.
385. ГАПО, ф.р-515, оп.1, д.141.
386. ГАПО, ф.р-2038, оп.1, д.53.

Часть III

387. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2693, л.638об.
388. Дворжанский А.И. История…, с.229.
389. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2693, л.638об.
390. Из истории борьбы с Православием в городе Саранске в первые годы советской власти. Публ. С. Б. Бахмустова, В. И. Лаптуна, вступ. статья и прим. С. Б. Бахмустова. //Саранские епархиальные ведомости, 2003, №5, с.47-50 (здесь ссылка на: ЦГА РМ, ф.58с/р, оп.2, д.23; ф.58р/с-37, оп.2, д.23).
391. Сведения Церковно-исторического комитета.
392. Метрики 1871 г. не сохранились; эту дату Попов указывал и во время учебы (ГАПО, ф.22, оп.1, д.12, л.17об.-18), и в бытность священником (ф.182, оп.1, д.2704), и в НКВД (Архив УФСБ ПО, д.7112).
393. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2224.

394. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2155.
395. ГАПО, ф.182, оп.4, д.232.
396. ГАПО, ф.22, оп.1, д.74.
397. ГАПО, ф.182, оп.4, д.232. Как он сам писал, отчислили “за неявку на занятия по неимению средств”.
398. Ср. карты Пензенской области 1993 и 1997 г. изд.
399. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2704.
400. ГАПО, ф.р-202, оп.1, д.307.
401. ГАПО, ф.р-1137, оп.1, д.62.
402. Сведения Церковно-исторического комитета; архив УФСБ ПО, д.7112
403. Воспоминания О. Г. Свищевой.
404. См. Родники.
405. В Б. Ключе священником в 1852-1874 гг. был Иван Дмитриевич Соколов. Несколько месяцев в 1851 г. здесь служил Георгий Иванович Виноградов (ПЕВ, 1887, №18-21). По-видимому, “Виноградов” и “Виноградский” – это одно и то же; из этого рода известны: Алексей Лукич В. (1812 – после 1870), бывший в 1836 – 1852 гг. священником в Нап. Вьясе, а с 1856 г. – Ингяр-Пятины Инсарского у. (ГАПО, ф.182, оп.1, д.2153); священник Василий Васильевич В. (ум. 1905) (ПЕВ, 1905, №17); диакон Михаил Васильевич В. (1877 – после 1915), с 1903 г. служивший в Ключареве Инсарского у. (ГАПО, ф.182, оп.1, д.2696).
406. ГАПО, ф.182, оп.1, д.2639, л.12об.-13об.; д.2702.
407. ГАПО, ф.р-1201, оп.1, д.15.
408. ГАПО, ф.р-453, оп.1, д.688.
409. ГАПО, ф.р-453, оп.1, д.2514.
410. ГАПО, ф.р-2090, оп.1, д.61.
411. Дворжанский А.И. Список…; Архив УФСБ ПО, д.10134.

Список иллюстраций

1. Болотниково, Покровская церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 22.05.2001 из собрания автора.
2. Болотниково, Покровская церковь. “Великомученица Варвара”. Фреска. Фото Н.Н.Гавриленко 1990-х из собрания автора
3. Большое Левино, Архангельская церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 3.05.2002 из собрания автора.
4. Большой Вьяс, Космодамианская церковь. Фото 1990-х из собрания А.И.Дворжанского.
5. Вьясская пустынь, Владимирский собор. Фото А.И.Дворжанского 1976 из собрания автора (ПЕВ, 2002, №2, с.5).
6. Вьясская пустынь. Общий вид. Фото Е.П.Белохвостикова 17.10.1998 из собрания автора.
7. Вьясская пустынь. Владимирский собор. “Ангел”. Фреска на столпе. Фото Н.Н.Гавриленко 1990-х из собрания автора.
8. Иванырс, МТС – бывшая Покровская церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 26.03.2002 из собрания автора.
9. П. С. Кадышевский, лесновьясский священник в 1914-29 гг. Фото 1929 из Архива УФСБ.
10. Лесной Вьяс, Димитриевская церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 17.10.1998 из собрания автора.
11. Липовка, Архангельская церковь. Фото Митина 1963 из собрания С.М.Митина.
12. К. И. Аргентов, уроженец Липовки, верхнешкафтинский священник в 1922-30 гг. Фото 1930 из Архива УФСБ.
13. Липяги, Пятницкая церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 27.06.2002 из собрания автора.
14. Липяги, Пятницкая церковь. Фрагмент интерьера: северо-восточный угол. Фото Е.П.Белохвостикова 27.06.2002 из собрания автора.
15. Ломовка, Казанская церковь. Фото начала века из собрания А.В.Тюстина.
16. Ломовка, Казанская церковь. Фото 1920-х – 30-х из Ломовского сельского музея (Сурская правда, 2001, 12 октября).
17. В. Ф. Карсаевский, ломовский священник в 1905-28 гг. Фото 30-х из ПЕВ, 1999, №1, с.113.
18. С. Ф. Карсаевский, кандидат богословия. Фото 1900-х из фотофонда ГАПО (ед. хр. А61).
19. В. А. Дружинин, ломовский диакон в 1908-19/23 гг., с женой Любовью Семеновной. Фото 1910-х из книги В.И.Никулина “Пензенское земство”, П., 1996, с.113.
20. Мерлинка, Казанская церковь. Фото Е.П.Белохвостикова 11.05.2002 из собрания автора.
21. Мерлинка, Казанская церковь. Фрески купола и южных парусов. Фото Е.П.Белохвостикова 11.05.2002 из собрания автора.

22. Назарьевка, Архангельская церковь. Фото Н.Н.Гавриленко 1990-х из собрания автора.
23. Назарьевка, Архангельская церковь. “Распятие”. Фреска восточной стены. Фото Е.П.Белохвостикова 11.05.2002 из собрания автора.
24. Михайловка, Александро-Невская церковь-школа. Фото из книги В.И.Никулина “Пензенское земство”, с.112.
25. Новая Кутля, Никольская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
26. Посопная Пелетьма, Рождественская церковь. Фото В.Москвиной из собрания Е.П.Белохвостикова (Сурская правда, 2001, декабря).
27. Родники. Церковный хор. Фото около 1927 из альбома В.Ф.Макаровой “Агудины”.
28. Гольцовка, Никольская церковь. Фото 1960-х из собрания М.С. и А.Г. Степановых.
29. Родники, фундамент Пятницкой церкви. По рисунку Е.П.Белохвостикова 09.2001 из собрания автора.
30. Симбухово, Введенская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
31. Суворово, Владимирская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
32. Старая Кутля, Никольская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
33. Старая Кутля, Никольская церковь. “Воскресение”. Фреска западной стены храма. Фото Е.П.Белохвостикова 17.10.1998 из собрания автора.
34. Старая Степановка, Вознесенская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
35. Старая Степановка, Вознесенская церковь. Фото начала 1990-х из собрания М.И.Петровой.
36. А. А. Новгородский, тепловский священник в 1924-29 гг., лунинский в 1935-37 гг. Фото 1930 из Архива УФСБ.
37. Чертеим, Сергиевская церковь-школа. Фото 1914 из собрания Б.С.Жукова.
38. Шукша, Архангельская церковь. Фото 1970-х – 80-х из собрания А.И.Дворжанского.
39. Шукша, Архангельская церковь. Фрагмент интерьера. Фото Е.П.Белохвостикова 5.10.2001 из собрания автора.
40. Иеромонах Геронтий (будущий схиархимандрит Викентий). Фото 1912 из Архива УФСБ.

На обложке: Назарьевка, Архангельская церковь. Фото 1972 из собрания А.И.Дворжанского.

Содержание

Предисловие. В чем смысл сего?

Часть I. Гонения на Церковь Христову в предыдущие века. Общий обзор Лунинского Православия в XX веке.

Часть II. Церкви без крестов. Гонения в селах.
Александрия, Никольская церковь-школа
Анучино, Казанская церковь
Белый Ключ, Христорождественская церковь
Белый Ключ, часовня на св. источнике
Болотниково, Покровская церковь
Большое Левино, Архангельская церковь
Большой Вьяс, Космодамианская церковь
Вьясская Владимиро-Богородицкая мужская пустынь
Гольцовка, Никольская церковь
Екатериновка, церковь
Екатериновка, св. источник
Еланка, церковь во имя Божией Матери Целительницы
Иванырс, Покровская церковь
Иванырс, св. колодец
Казачья Пелетьма, Рождественская церковь
Казачья Пелетьма, Никольская единоверческая церковь
Казачья Пелетьма, св. источник
Кирилловка, Архангельская церковь
Лесной Вьяс, Воскресенская церковь
Лесной Вьяс, часовня на месте старой церкви
Лесной Вьяс, Димитриевская церковь
Липовка, Архангельская церковь
Липяги, Пятницкая церковь
Ломовка, Казанская церковь
Ломовка, св. источник
Лунино, Архангельская церковь
Лунино Спасская церковь (в Трубетчине)
Лунино, Сергиевский молитвенный дом
Мерлинка, Казанская церковь
Михайловка, Александро-Невская церковь-школа
Назарьевка, Троицкая церковь
Напольный Вьяс, Знаменская церковь
Новая Кутля, Никольская церковь
Посопная Пелетьма, Христорождественская церковь
Родники, Пятницкая церковь
Сандерки, Никольская церковь
Симбухово, Введенская церковь

Старая Кутля, Никольская церковь
Старая Степановка, Вознесенская церковь
Старая Степановка, св. источник
Суворово, Владимирская церковь
Танеевка, Владимирская церковь
Тепловка, Троицкая церковь
Тепловка, св. источник
Тоузаково, Троицкая церковь
Тоузаковский приход, Сытинка, часовня
Трескино, Казанская церковь
Чертеим, Сергиевская церковь-школа
Чирково, Предтеченская церковь
Шукша, Архангельская церковь
Юдино, Покровская церковь

Часть III. Приложения
Схиархимандрит Викентий (Титов)
Священник Петр Иоаннович Попов
Протоиерей Алексий Васильевич Виноградский
“Сказание о добром разбойнике”

Примечания
Список иллюстраций
Содержание